

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

**ГРОН
ПОЩАДЫ НЕ БУДЕТ**

Грон

Роман ЗЛОТНИКОВ
Пощады не будет

«Автор»

2009

Злотников Р. В.

Пощады не будет / Р. В. Злотников — «Автор», 2009 — (Грон)

ISBN 978-5-271-34342-1

Местный Владелец по неизвестной причине манкирует своими обязанностями – который год не вмешивается в тотальную войну, охватившую Шесть королевств. И Грону это на руку, как и его заклятому врагу. Черный барон, бывший колонтель Исполнительной стражи Кулака возмездия Великого равноправного всемирного братства, оказался в этом странном средневеково-мушкетерском мире с помощью Белого Шлема, как и Грон, но преследует совсем другие цели и пользуется иными средствами. На первом этапе противостояния Черный барон уже проиграл: Грон не стал его союзником. Впереди – жестокая схватка, создание разведывательных сетей и столкновение двух мощных тактик и стратегий...

ISBN 978-5-271-34342-1

© Злотников Р. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть первая	13
1	13
2	22
3	31
4	40
5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман Злотников

Пощады не будет

Пролог

– Значит, вы, граф, по-прежнему утверждаете, что не имели никакого отношения к смерти короля?

Грон молча поклонился. Повторять это в сотый раз он не считал нужным. Граф Сакриен-зен, сидевший во главе стола и на протяжении всего этого спектакля, который назывался очередным допросом, сверливший Грона напряженным взглядом, шевельнул пальцами. На плечо Грона легла рука стражника.

– Идем, – глухо прорычал он.

Подобное обращение можно было считать вежливым. Обычно эти ребята не снисходили до слов, а просто наподдавали арестованному древком алебарды и потом, если арестант не успевал среагировать достаточно быстро, добавляли кованым сапогом. Но Грон числился в благородных, к тому же следствие явно зашло в тупик с доказательствами его вины, так что пока стража с ним особенно руки не распускала.

До комнаты, вот уже неделю являвшейся местом его заключения, Грон добрался через пять минут. Она была в этой же башне, только тремя этажами выше. Похоже, когда-то здесь была оружейная. За это говорила толстенная, окованная железом дверь с прорезанным в ней небольшим окошком и пара небольших окошек под потолком, сейчас забранных толстой решеткой. Ну и само расположение – в башне, этажом ниже стрелковой галереи, а не в подземном каземате. Но решетки и дверь с окошком были единственным, что роднило комнату с тюремной камерой. Впрочем, нет, еще параша. Столь элегантной вещью, как ночной горшок, Грона не одарили, и все свои естественные надобности он отправлял в массивную деревянную бадью, стоявшую в углу у двери. В остальном комната была обставлена вполне соответственно его рангу. У дальней от двери стены стояла кровать, рядом с ней кресло, перед ним небольшой стол и высокий напольный подсвечник на шесть свечей. Надо признаться, по нынешним временам условия содержания были просто царские.

Войдя, Грон растегнул камзол и, стянув его с плеч, бросил в кресло, после чего вытянулся на кровати, заложив руки за голову. Дознание длилось уже почти месяц. И то, что это было именно дознание, пусть и запутанное, наполненное интригами, клеветой, лжесвидетельством и неприкрытым политическим давлением, а не скорое судилище, просто проштамповавшее уже согласованный сторонами приговор, во многом являлось заслугой принцессы...

– Ваш ангилот, предатель и изменник! – высокопарно произнес наследник герцога Аржени.

Пожалуй, это был миг его наивысшего удовольствия. Но именно миг. Потому что в следующее мгновение раздался ледяной голос принцессы:

– Нет, граф! Я запрещаю вам отдавать свой ангилот этому ничтожеству.

Все замерли.

– Что? – ошарашенно проблеял Эжен.

Но принцесса холодно проигнорировала его овечий взбlyк. Устремив взгляд на латников, она еще выше вздернула подбородок и, демонстративно игнорируя наследника герцога Аржени, спросила:

– Кто командует этим отрядом?

Латники в замешательстве переглянулись. В тот момент, когда они покидали свои казармы, не вызывало сомнений, что их отрядом командует лейтенант королевских латников лорд Эжен, наследник герцога Аржени, в настоящий момент заправляющего всем королевским советом, но сейчас...

– Ну же? Я жду! – поторопила их принцесса. А затем добавила, подпустив в тон лошадиную дозу презрения: – Или королевские латники уже настолько забыли о верности и чести, что не только терпят в своих рядах труса и предателя, но и позволяют подобным ничтожествам отдавать себе приказы?

Лорд Эжен побагровел так, что казалось, будто еще чуть-чуть, и края шлема, касавшиеся его щек, начнут плавиться. Да как она смеет?! Но принцесса восседала на коне с таким непоколебимым апломбом, что у него просто не нашлось слов для возражений. О Владетель, все шло совершенно не так, как он себе представлял... Взгляды латников, растерянно перебегающие с принцессы на лорда, а затем на Грона, скрестились на наследнике герцога Аржени и заметно посуровели.

– Я, принцесса. – Высокий латник с роскошными седыми усами наконец решился попытаться хоть как-то разрулить ситуацию, стараниями принцессы принявшую вид тупиковой.

– Прекрасно. – Мельсиль величественно кивнула. – В таком случае, раз в отношении графа Загулема и... – принцесса сделала о-очень многозначительную паузу, – моего жениха королевским советом выдвинуты столь серьезные обвинения, прошу вас принять его ангилот.

Взгляды латников мгновенно переместились с потного и побагровевшего лица лорда Эжена на спокойное и даже этак слегка задумчивое лицо Грона. И он получил возможность полюбоваться чрезвычайно широкой гаммой отразившихся в них человеческих эмоций – от восхищения до зависти и даже сочувствия.

– Кроме того, я прошу вас оградить меня от общества человека, которого я считаю трусом и предателем, пренебрегшим честью и долгом как дворянина, так и королевского латника.

– Да как ты смеешь?! – взвился лорд Эжен. – Ты... мра...

Он задохнулся от возмущения, и принцесса мгновенно воспользовалась возможностью еще больше «развернуть» ситуацию:

– А особенно от всяческих оскорблений с его стороны!

– Ах ты, шлюха!

– Мой лорд! – Латник, вынужденно принявший на себя бразды правления отрядом, тронул коня и выехал чуть вперед, попытавшись встать между наследником герцога Аржени и Мельсиль. – Я попросил бы вас воздержаться от подобных выражений в отношении ее высочества.

Но Эжена уже понесло.

– Прочь с дороги, бестолочь! – заорал он, выхватывая меч из ножен. – Прочь, я сказал, или мой отец отправит тебя на виселицу!

А вот этого говорить не следовало. Королевские латники были элитным полком, спаянным долгой совместной службой и множеством битв, которые они прошли. И несмотря на то что в этом полку считали за честь служить представители знатнейших фамилий королевства, его основу составляли мелкопоместные дворяне, для которых служба зачастую была едва ли не единственным источником существования. Поэтому в полку наличествовала атмосфера высокого воинского братства, тщательно лелеемая каждым латником от рядового бойца до самого командира, которым по традиции являлся сам король. Так что даже такие «временные» латники, как лорд Эжен, вследствие высокого происхождения и вызванных этим всяческих послаблений скорее числившиеся латниками, чем действительно тянущие служебную лямку, должны были ясно представлять себе, к чему приведет угроза отправить на виселицу своего собрата-латника. Однако наследник герцога Аржени очередной раз показал себя высокомерным придурком. Седоусый латник мгновенно помрачнел и негромко приказал:

– К плечу!

Вокруг послышалось змеиное шипение, с каковым тяжелые мечи покидали свои ножны. Лорд Эжен дернулся и затравленно огляделся. Взгляд его всюду натыкался на сурово нахмуренные лица и блеск мечей, строго по-уставному покачивающих остриями над правым плечом в готовности к удару.

– Вы... вам... я вам... ну погодите же! – злобно прошипел он и, развернув коня, бросил его в галоп.

Когда топот копыт затих, седоусый латник отвесил легкий поклон принцессе, а затем повернулся к Грону и произнес:

– Граф, я надеюсь, вы, как благородный человек и... – Он слегка запнулся, но затем все-таки произнес: – Жених ее высочества, проявите благоразумие и соблаговолите отдать мне свой ангилот.

Грон молча кивнул и, выметнув из ножен ангилот, подал его латнику рукояткой вперед. После всего произошедшего опасности, что его не довезут живым до Агбер-порта либо сразу по приезде тихонько придушат в дальней камере, больше не было. Он сам не смог бы разложить ситуацию лучше, чем это только что сделала принцесса. Мгновенно оценить обстановку и всего лишь в десятиминутной интерлюдии практически перетянуть на свою сторону лучший полк королевства, выбить из всех раскладов одну из ключевых публичных фигур, каковым, несомненно, являлся лорд Эжен, да еще и заставить лагерь противника хоть в тактическом плане, но перейти от обвинений в трусости и предательстве к обороне... это надо было суметь. Впрочем, Мельсиль пока не собиралась останавливаться.

– Благодарю вас, мои верные воины, – заговорила принцесса, едва лишь ангилот Грона оказался в руках седоусого. – Я не сомневалась в вашей верности трону и королевству. И мне радостно, что я не ошиблась. – Она потупила глаза и коротко вздохнула. – Я вижу, что история предательства того, кто столь не по праву носит ваши доспехи, и моего пленения еще не достигла ваших ушей во всех подробностях. Ибо иначе, я не сомневаюсь, вы бы никогда не позволили ему продолжать числиться в вашем полку. Но я обещаю завтра же лично прийти в ваши казармы и рассказать о том, почему граф Загулема и мой жених был вынужден оставить заботы о своем домене и лично отправиться вызволять меня из застенков, в которые привело меня это предательство. Именно тогда я смогла оценить его доблесть и мужество, поразившие меня в самое сердце.

Взгляды латников снова скрестились на Гроне. И на этот раз восхищенных было намного больше. Да-а, судя по первичным реакциям, озвученная лордом Эженом версия о его причастности к отравлению короля и попытке узурпации власти не пользовалась безоговорочной поддержкой. Интересно, кому, сколько и чего пообещал герцог Аржени за собственную поддержку, чтобы эта версия вообще была принята как рабочая?

– Я прошу вас, господин...

– Сержант Каргей, ваше высочество, – услужливо подсказал седоусый.

– Да-да, спасибо, маркиз Каргей. – Мельсиль, невинно взмахнув ресницами, очаровательно улыбнулась, заставив всех латников замереть от восхищения (а новоиспеченного маркиза Каргея от двух причин сразу). – Я прошу вас отправить вперед посыльных, дабы передать моим фрейлинам приказ немедленно собраться в моих покоях. А также просьбу барону Шамсмели, вашему командиру, поскольку я осталась единственной представительницей королевской фамилии, встретить меня как подобает при прибытии члена королевской семьи, выведя королевских латников на улицы столицы.

Грон мысленно усмехнулся. Да уж, после подобной встречи, да еще после того, что порасскажут о только что произошедшем остальные латники, у заговорщиков не будет практически ни единого шанса заставить столичный гарнизон пойти наперекор воле принцессы. А уж когда она выступит в казармах латников... Оставалось задуматься, на что вообще рассчитывали заго-

ворщики. Хотя если основным источником информации о принцессе, Гроне и Черном бароне для заговорщиков служил лорд Эжен, пожалуй, удивляться не стоило. Ибо в интерпретации наследника герцога Аржени мир был устроен так: в центре на белом коне (троне, носу корабля, самой высокой башне) он сам, а вокруг мелкие презренные людишки, счастливые, если он обращает на них свое благосклонное внимание, и пребывающие в страхе и панике, если чем-то вызвали его неудовольствие. Оставалось только удивиться тому, что герцог Аржени не знал о столь одностороннем восприятии действительности своим наследником.

Впрочем, не исключено, что он и сам страдал чем-то подобным. У представителей столь богатых и знатных родов это отнюдь не редкость. Сами по себе богатство и знатность, то есть сильные стартовые условия, как раз наоборот, сильно ухудшают возможности развития и воспитания воли. И если старшее поколение этого не учитывает и не пытается как-то купировать, из младшего вырастают знатные придурки, не способные ни адекватно оценить ситуацию, ни справиться с мало-мальски серьезными вызовами... Впрочем, до поры до времени это совершенно не мешает им наслаждаться жизнью. Как говорится, бегемоты обладают чрезвычайно слабым зрением, однако в связи с их массой и размерами это не их проблема. Но именно до поры до времени...

Грон проснулся оттого, что кожа лица ощутила ток воздуха. Это могло означать только одно – что кто-то открыл дверь. Но дверь его комнаты-камеры всегда открывалась с жутким скрипом заржавленных петель, от которого Грон несомненно проснулся бы. И если этого не произошло, значит, некто, открывший дверь, специально озабочился тем, чтобы Грон не проснулся от скрипа. А отсюда следовал вполне логичный вывод о том, что этот самый «некто» проник в его камеру с явно враждебными намерениями. Не сказать, чтобы Грона это удивило. В конце концов, за последнюю неделю даже до самых тупых (к каковым явно относилась вся семейка Аржени) уже должно было прийти, что простая и на первый взгляд элегантная двухходовка с отравлением короля и обвинением в этом преступлении Грона окончательно забуксовала. И если не предпринять неких дополнительных усилий, вся наспех сляпанная конструкция, призванная одновременно перераспределить власть в королевстве и устранить возможного конкурента, непременно рухнет. Причем с большой долей вероятности погребя под собой ее незадачливых конструкторов. Ибо все шло к тому, что, несмотря на все приложенные усилия, Грона все-таки оправдают, а смерть короля суть такое преступление, виновные в котором непременно должны быть названы.

К исходу второй недели дознания уже мало у кого оставались сомнения, что принцесса и примкнувшие к ней граф Эгерит, барон Экарт и еще несколько аристократов, давно знакомых с ним, с ее высочеством и прекрасно осведомленных о ее истинном влиянии и положении при дворе ее отца, а также о ее возможностях и способностях, не просто намерены доказать вину истинных убийц короля, но еще и вполне способны воплотить это намерение в жизнь. Так что у инициаторов этой злополучной двухходовки просто не было выхода, кроме как попытаться, так сказать, разрубить гордиев узел. Например, превратив основного обвиняемого в молчаливый труп. На который было пока еще возможно (хотя уже и не очень удобно) списать все грехи. А то он не только оказался слишком уж неуступчивым по отношению к уже почти опознанному всеми, но пока еще осторожно не озвученным вслух «доброжелателям», так по-доброму, но настойчиво подталкивающим его к плахе, да еще и, как выяснилось, успел обзавестись весьма влиятельными сторонниками, число которых к тому же увеличивалось с каждым днем дознания... В конце концов, Грон был пришлый, не значился ни в каких раскладах, и, по расчетам инициаторов двухходовки, с его устранением коалиция по его защите, сложившаяся, на их взгляд, совершенно стихийно, должна была распасться сама собой. А если есть труп, на который можно списать все грехи, то в дело вступают уже другие резоны. И поле для торговли резко расширяется.

Готовиться к подобному развитию событий Грон начал еще неделю назад, просчитав, что количество вариантов сего действия весьма ограничено. Причем он больше грешил на яд. Более того, за сегодняшним ужином ему показалось, что поданное вино излишне заправлено пряностями. Как будто кто-то хотел специально по сильнее забить вкусовые рецепторы. Поэтому он аккуратно сплюнул уже набранный в рот глоток обратно в стакан, а затем, улучив момент, когда за окошком двери не маячило лицо стражника, аккуратно вылил весь кувшин в парашу. Однако, несмотря на то что весь вечер он провалялся на кровати, имитируя то ли сон, то ли смерть, за все прошедшее время никто не пытался зайти к нему в камеру и проконтролировать, как подействовал яд. Так что Грон уснул спокойно. Но, как теперь выяснилось, даже если яд и имел место, люди решили подстраховаться...

Удар он пропустил. Ну не то чтобы совсем... лезвие кинжала пропороло перину и воткнулось в доски основания кровати, в которой Грона уже не было. А в следующее мгновение несостоявшийся убийца уже летел на пол. Грон же, только что довольно технично исполнивший «ножницы», резко развернулся, ухватил противника за пятку и, дернув, заставил ошарашенного убийцу с коротким вскриком развернуться на живот, после чего загнал его пятку под свой коленный сгиб и уселся на его согнутую ногу. В таком положении можно было и поговорить.

– Кто тебя послал? – тихо спросил Грон и, не дождавшись ответа в течение пары секунд, слегка нажал всей массой на пятку.

– Ы-ы! – взвыл несостоявшийся убийца.

– Будешь молчать – сломаю ступню. Сначала. А что буду делать позже, тебе лучше даже не представлять. Понятно? – Для убедительности Грон еще раз нажал на пятку.

– Ы-ы-ым! – снова взвыл убийца.

– Не слышу внятного ответа, – сердито буркнул Грон и... с легким хрустом вывернул ступню из суставной сумки.

– А-а-а-а! – взвыло под ним.

Но Грон уже деловито согнул другую ногу своего пленника, удобно устроив уже ее пятку под своим коленным сгибом.

– Еще раз спрашиваю: понятно?

– Д-да, господин!

– Отлично. Итак, повторяю вопрос: кто тебя послал?

– Хс... Холслов.

Грон наморщил лоб. Он такого не знал.

– Кто это? – спросил он, для большей убедительности слегка шевельнув коленным сгибом.

– Ый! – коротко взвыл несостоявшийся убийца, но, правильно уловив логический посыл, тут же заговорил: – Это... человек Аржени... так говорят... Он убивает для них... и все такое...

Грон задумался. Пожалуй, убивать этого типа не следовало. Подобный свидетель мог оказаться полезным. Хотя руки чесались.

– А где он сейчас?

– Не знаю... Ы-ый!.. Я правда не знаю, господин!

– Думай, а то сломаю и вторую ступню, а затем перейду к чему-нибудь по-настоящему больному, – пообещал ему Грон, усиливая нажим на ступню.

За свои прошлые жизни он не раз встречался с подобными тварями. Несмотря на внешнюю тупость, они, как правило, обладают этакой примитивной, животной хитростью. И часто способны по случайно оброненным словам, по косым взглядам, по вскользь брошенным криком усмешкам разгадать с очень высокой степенью вероятности намерения работодателей. О чем большинство из таковых вследствие испытываемого к подобным типам презрения даже не догадываются. Так что если поднажать...

– Я... мне... я не знаю... – заюлил несостоявшийся убийца.

И Грон с невозмутимым видом сломал ему и вторую ногу. Тем более что это полностью входило в его планы. Вполне возможно, что по итогам допроса ему придется покинуть камеру и переместиться куда-то еще, а времени на связывание пленника может и не остаться. Поэтому следовало заранее, уже в процессе допроса максимально его обездвигить.

– Ы-ы-а-а-а! – завопил убийца, а Грон вполне себе спокойно и деловито перехватил на болевой его правую руку и таким безразличным тоном спросил:

– Ну?

– Он... это... господин... я не знаю точно... но он хотел посетить покои графа Сакриензена. Он... герцог Аржени был так рассержен тем, как граф ведет дело. И еще... он собирался взять ваш ангилот.

Грон нахмурился, а затем точным движением руки приложил несостоявшемуся убийце рукояткой его же кинжала по затылку, отчего тело, на котором он сидел, тут же обмякло.

Значит, вот оно как, подумал он, поднимаясь, не просто зарезать строптивого пленника, но еще представить дело так, что будто бы он зарезал председателя собственного суда. Хотя не совсем понятно, зачем в этом случае его самого собирались зарезать в его собственной камере? Логично было бы, скажем, опоить его... хотя кто сказал, что в вине, которое ему подали за ужином, был именно яд, а не сонное зелье? А резать его решил уже этот незадачливый стражник по собственной инициативе, по каким-то признакам поняв, что с сонным зельем ничего не вышло. Либо просто перепугавшись. В конце концов, за прошедший месяц он стараниями принцессы, прибывших с ним дворян из Загулема и остальных членов достаточно стихийно образовавшейся партии его сторонников стал в Агбере довольно популярной личностью, которой приписывались небывалая доблесть и сила.

Все эти мысли проносились в голове Грона, пока он быстро бежал по коридорам и лестничным пролетам башни маршрутом, ставшим для него за прошедший месяц почти привычным. Где располагались покои графа Сакриензена, он, естественно, точно не знал, но, судя по некоторым признакам, где-то недалеко от зала, где его регулярно допрашивали. Так, например, граф как-то вошел в зал, где происходил допрос Грона, на ходу вытирая руки платком, а однажды – так же на ходу поправляя воротник-жабо. А уж где находится этот зал и дорогу до него, Грон за прошедшее время усвоил прочно.

Уточнить направление ему помог голос, прозвучавший в гулкой ночной тишине довольно громко:

– ...поплатятся за это.

Грон резко затормозил и, перехватив кинжал убийцы, являющийся его единственным оружием (не вооружаться же в узких коридорах громоздкой алебардой), осторожно двинулся вперед. Через пару поворотов он увидел полуоткрытую дверь, из проема которой лился не слишком яркий свет, ну как будто внутри помещения горела небольшая масляная лампа.

– Вы слышите, что я вам говорю? – снова повторил голос, очень похожий на голос графа Сакриензена.

Грон замер. Судя по тому, что собеседник, к которому обращался граф, не ответил, он явно отвлекся на нечто более интересное. И Грон имел все основания подозревать, что этим более интересным являлся он сам. Что, впрочем, было вполне обоснованно. Он торопился, а грохот каблуков в такой тишине должен был разноситься достаточно далеко. И вывод из всего вышеизложенного следовал вполне однозначный – вот прямо сейчас его попытаются убить.

Грон максимально согнулся и осторожно двинулся вперед. Если некто, притаившийся внутри помещения, попытается нанести удар вслепую, из-за угла, его клинок должен был пройти гораздо выше.

Подобравшись к косяку, он прислушался. Граф Сакриензен молчал. Из-за распахнутой двери доносилось чье-то шумное дыхание, возможно именно графа. Грон замер, обдумывая ситуацию.

– Э-э-э, граф Загулема? – с этакой подчеркнуто пренебрежительной ленцой осведомился чей-то голос из комнаты. – Если вы там, советую вам показаться. А то у моего слуги может устать рука, и тогда его нож перережет горло вашему судье.

Ага, значит, их в помещении двое. Как минимум. Да здравствуют болтливые придурки, любящие корчить из себя крутых подонков. Грон задумался.

– Ну так где вы, граф? Должен признаться, что у Нисееля довольно слабая рука. Она уже дрожит...

– Зачем вам так надо, чтобы смерть графа записали на мой счет? – быстро спросил Грон.

– На ваш? – Удивление его невидимого собеседника было настолько откровенно, даже издевательски деланым, что никаких сомнений в словах Грона ни у кого из слышавших этот разговор остаться не должно. – С чего вы взяли?

– А зачем вы украли мой ангилот?

– Не украл, а взял, – раздраженно заявил голос. – Ну хватит, выходите! Пора кончать этот балаган...

Грон выпрямился и, завожившись, стянул с плеч камзол, который успел натянуть, когда выскочил из комнаты. Встряхнув его на вытянутой руке, он произнес:

– Я выхожу, подонок, и молись всем своим богам, чтобы... – Не закончив фразы, он широким взмахом вбросил камзол в проем двери.

Внутри что-то гулко звякнуло, и камзол последовательно пробили сначала короткая стрелка, а затем узкий нож. Стрелка вонзилась в противоположную стену, а нож, звякнув о камень, упал на пол. В следующее мгновение Грон, пригнувшись, метнулся в проем, на ходу подхватив упавший нож левой рукой.

Нападавших в комнате было трое. Один, одетый в колет из темной кожи, такие же штаны и ботфорты, стоял, держа в одной руке его собственный ангилот, а в другой компактный карманный вариант пружинного арбалета; второй, здоровяк, которого только издеваясь можно было обозвать человеком со слабой рукой, удерживал графа Сакриензена, действительно держа у его горла нож; а третий, худой, жилистый тип, застыл с вытянутой рукой, из которой, как видно, только что вылетел нож. Грон качнулся вперед, на ходу метнув кинжал, отнятый у убийцы, метя в глаз здоровяку. И его движение тут же привело всю группу в действие.

– Киссень! – заорал тип в колете, опуская руку с карманным арбалетом и вскидывая ангилот. – Обходи его!

Киссень, каковым оказался тот самый жилистый тип, тут же метнулся влево, извлекая откуда-то здоровенный тесак, скорее напоминающий мясницкий нож, чем боевое оружие, но от этого не менее опасный, а сам главарь взмахнул ангилотом, делая шаг вперед. Но Грон уже перехватил подобранный нож за лезвие и мягким движением кисти послал его вперед, прямо в грудь типа в колете. Тот судорожно махнул ангилотом, то ли попытавшись отбить летящий нож, то ли просто рефлекторно среагировав на движение, но затем всхрипнул, сделал шаг вперед, опустил руку с ангилотом, уперев его в пол, будто попытавшись использовать в виде трости, а потом его колени подогнулись, и он рухнул на пол. Здоровяк, держащий графа, к этому моменту тоже уже завалился на спину и сполз по стене. У Грона остался только один противник.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. В углу, держась за опарапанное падавшим здоровяком горло, хрипло дышал на первый взгляд вполне себе целый и почти здоровый граф Сакриензен.

– И чего вы теперь делать будете, ваша милость? – ослабившись, поинтересовался жилистый.

– Если вынудишь, прикончу и тебя, – спокойно сообщил ему Грон.

– И чем это?

Грон усмехнулся:

– Один кинжал против ангилота, арбалета, ножей и тесака – тоже не слишком выигрышное соотношение. Однако два – ноль в мою пользу. Почему ты думаешь, что с тобой у меня возникнут какие-то сложности? – небрежно поинтересовался он, продолжая лихорадочно просчитывать варианты развития событий.

В одном этот тип был прав: никакого оружия у него в данный момент действительно не осталось. А оружие есть оружие, что бы и кто бы там ни говорил...

Однако его речь, похоже, придала мыслям жилистого несколько иное направление. Потому что кривая ухмылочка сползла с его лица, и он, настороженно следя за Гроном, начал бочком-бочком двигаться в сторону двери.

– Стой, – остановил его Грон.

Жилистый замер.

– Ты ничего не хочешь мне сообщить?

– Чего? – В голосе жилистого послышались озадаченные нотки.

– Ну подумай сам, – рассудительно начал Грон, – после всего произошедшего мое заключение уже совершенно точно дело прошлого. Но у меня образовалось много вопросов. И поскольку утром я явно окажусь на свободе, то вполне могу отодвинуть все свои дела и вплотную и, заметь, вдумчиво и настойчиво заняться поиском одного случайного встречного, который, как мне сейчас представляется, может рассказать мне много интересного. Так что я бы на твоём месте рассказал все прямо сейчас. Дабы желание тебя разыскать возникло только лишь у королевских стражников. И ни у кого больше. Понимаешь, о чем я?

Жилистый некоторое время молчал, переваривая слова Грона, а затем хмыкнул:

– Если я чего скажу, так меня все одно – того...

– Скорее тебя того, если ты ничего не скажешь, – отозвался Грон, скрещивая руки на груди. Человек со скрещенными руками подсознательно воспринимается как настроенный на оборону, а не на нападение, поэтому жилистый чуть расслабился, чего Грон и добивался. – Неужели ты думаешь, что те, кто тебя нанял, оставят тебя в покое, зная, что может разболтать твой язык? Лучше сделать так, чтобы им уже незачем было на тебя охотиться. – Грон сделал паузу, а затем уточнил: – Ну кроме мести, конечно, если благородные господа озаботятся местью какому-то разбойнику. Но и здесь есть резон рассказать все, что знаешь. Поскольку чем больше после твоего рассказа возникнет проблем у твоих нанимателей, тем меньше у них останется сил и времени, чтобы заниматься тобою. Не так ли?

Жилистый восхищенно цокнул языком:

– Эх вы все хитро повернули, ваша милость... Вам бы королевским дознавателем работать – воры бы сами во всем признавались, да еще и рухлядь несли.

Грон криво усмехнулся. Ну не хочешь по-хорошему, спросим по-другому:

– Что ж, тогда я советую тебе хотя бы точно определиться, кто для тебя опасней, – с металлом в голосе произнес он.

Жилистый напрягся. Шутки кончились. Несколько мгновений он сверлил Грона тяжелым взглядом, а затем обреченно вздохнул и заговорил...

Часть первая

Мятеж

1

– Таким образом, уважаемые члены королевского совета, мятеж герцога Аржени может быть подавлен максимум к исходу следующего месяца...

Грон молча сидел в дальнем углу на небольшом диванчике, привалившись спиной к стене, и помалкивал. План, изложенный коннетаблем двора, был безупречен. Ну почти... Вот только он не учитывал того, что на самом деле инициатором этого мятежа был отнюдь не герцог Аржени. И даже не король Насии, который непременно должен был вмешаться. А Черный барон. Поэтому весь совершенно безупречный план коннетабля, вполне себе в духе германского генерального штаба «айн колонен марширен... цвай колонен марширен...», должен был посыпаться буквально с первых шагов. Коннетабль, каковым в настоящий момент являлся ярый враг герцогов Аржени герцог Тосколла, был чрезвычайно скрупулезным человеком и, очевидно, талантливым логистиком. Но абсолютно никаким полководцем. Возможно, именно поэтому ныне покойный король Агбера так долго проторчал под Генобом. Однако Грон не собирался возглашать сию истину в этом благородном собрании. По нескольким причинам...

Его освобождение скорее даже не состоялось, а, так сказать, было зафиксировано еще той ночью, когда и произошло нападение. Как выяснилось, той ночью заговорщики кроме всего прочего попытались еще и захватить или убить принцессу. Причем отряд, на который возлагалась эта задача, возглавил незабвенный лорд Эжен, который вот уже на протяжении двух недель носа не казал из мощного, напоминающего настоящий замок столичного поместья герцога Аржени. Как выяснилось, Грон в своих предположениях оказался прав, и версия о нападении на принцессу, которую привез Эжен, в корне отличалась от того, что произошло на самом деле.

По его рассказу выходило, что во всем виноваты сержант королевских латников, не организовавший охрану должным образом, виконт Омисерион, мадемуазель Казирам, но только не он, мужественно и храбро защищавший ее высочество до последнего мига. А уж граф Загулема, на протяжении всего путешествия грязно домогавшийся принцессы, а затем коварно наведший на нее, с негодованием отвергнув его домогания, презренных насинцев, вообще выглядел в свете всего изложенного исчадием ада. Так что обвинения Грона в попытке узурпации власти должны были бы упасть на уже подготовленную почву. Вот только семейка Аржени не учла, что как в свете, так и среди простолюдинов уже давно закрепилась привычка делить все утверждаемое семейством Аржени как минимум на четыре, а то и больше. Тем более слава онотьера Грона, целых два года защищавшего столицу от огромной армии насинцев, а затем дерзко захватившего у ненавистного врага целое графство, еще не успела совсем уж сойти на нет.

Несмотря на то что Аржени буквально горстями разбрасывали деньги распространителям слухов и сочинителям подметных писем, большинство только недоверчиво качало головами. Поэтому когда в дело вступила принцесса, начавшая распространять свою версию нападения на нее людей Черного барона, ее усилия довольно быстро увенчались полным успехом. Услышав интерпретацию произошедшего, исходящую из казарм королевских латников или от фрейлин ее высочества, люди только удовлетворенно кивали и перешептывались друг с другом: «Ну, что я тебе говорил? Мне с самого начала было ясно, что здесь не все чисто!» Так что если официальных обвинений наследнику герцога Аржени пока и не предъявляли, по Агбер-

порту шлялось немало дворян как из числа офицеров полков столичного гарнизона во главе с изрядно разозленными королевскими латниками, так и просто любителей подраться, жаждущих вызвать «этого труса и мерзавца» на дуэль...

К счастью, Мельсиль оказалась вполне предусмотрительной и не только заранее усилила свою охрану, но еще и попросила исполняющего обязанности командира королевских латников барона Шамсмели на всякий случай разместить поблизости от ее покоев десяток латников. И лорду Эжену в ту ночь наконец-то достался удар, на который он давно напрашивался. А когда поднятая по тревоге королевская стража добралась до башни, где содержался Грон, то застала его скучающим на стуле в комнате ожидания зала для допросов с собственным ангилотом на коленях. Внутри же зала полностью одетый и сурово насупленный граф Сакриензен допрашивал незадачливого убийцу со сломанными ногами, которого Грон приволок из своей камеры. Не успели стражники окружить спокойно наблюдающего за их маневрами Грона, как двери зала допросов распахнулись, и высунувшийся оттуда граф парой фраз довел до сведения старшего над стражниками, что не имеет к текущему положению и состоянию графа Загулема никаких претензий. Поэтому когда на центральной, храмовой и портовой площадях Агберпорта глашатаи объявили, что с графа Загулема полностью снимаются все обвинения, Грон уже вполне спокойно разгуливал по дворцу с собственным ангилотом на поясе, старательно игнорируемый стражей. Вернее, если быть точным, к тому моменту уже не разгуливал. Потому что за полчаса до сего объявления он добрался-таки до личных покоев Мельсиль, с которой не виделся уже месяц (Аржени бдительно следили, чтобы не было никаких контактов между обвиняемым в убийстве короля и дочерью убитого, «впавшей в безумие вследствие случившейся трагедии», по старательно распространяемой все теми же платными разносчиками слухов версии, отчего она сразу же была всеми поднята на смех). После чего было поспешно объявлено, что ее высочество отменяет на сегодня все аудиенции...

Первый запал прошел, и Грон лежал на кровати, прислушиваясь к доносящемуся из-за двери ванной комнаты бодрому голосу Мельсиль. Еще несколько минут назад в изнеможении и тяжело дыша, разметавшаяся на простынях после бурного взрыва страстей, сейчас она мелодично напевала балладу Вийона, которую Грон сам же и ввел в обращение.

Грон попытался проанализировать ситуацию. То, что заговорщики решились идти ва-банк, было скорее жестом отчаяния, чем продуманным шагом. Хотя после некоторого размышления стоило признать, что сам план оказался продуман вовсе не плохо. Исполнение подкачало. Вообще, можно было констатировать, что для создания своей группы влияния в Агбере Черный барон выбрал не тех людей. Герцоги Аржени достигли своего потолка. Более высокого положения и большего влияния, чем они имели сейчас, достигнуть им было не дано. Да и это положение во многом сохранялось потому, что герцоги не предпринимали ничего, чтобы изменить достигнутое. Ибо любая их попытка изменить хоть что-то непременно привела бы к ухудшению их положения и уменьшению влияния. Ну вот есть такая порода людей, которым лучше ничего не делать. Только хуже будет... Что, впрочем, прекрасно доказывало все уже произошедшее. Едва нынешний глава дома Аржени начал действовать, как спустя всего лишь несколько недель единственным выходом для дома Аржени стал открытый мятеж с крайне слабыми перспективами на успех. И это при том, что сам Грон пока еще ни в чем особенно не участвовал и собственные ресурсы не задействовал. Да уж, очень неудачный выбор... Впрочем, для человека, мыслящего парадигмами «Незаменимых людей нет» и «Люди – винтики в социальной машине», подобный подход вообще характерен. На этом и будем его ловить... А пока мы имеем следующее: Эжен – мертв, и это поставило Мельсиль и ее партию в смертельную оппозицию к герцогу Аржени. Значит, задача номер один для их партии – это вывести всю семейку Аржени за рамки. А это обещало столь жирный кус, что к партии принцессы (опять же благодаря затеянному герцогом Аржени, пусть и с подачи Черного барона, комплоту), успевшей и оформиться, и зарекомендовать себя как достаточно влиятельная сила, тут

же примкнули даже те, кто собирался мирно отсидеться в стороне все время дележки власти. Грону предстояло решить, что и как в этой каше делать ему. Ибо все те планы, что он строил в Загулеме, теперь, после смерти короля, пошли псу под хвост. Операционную базу теперь совершенно точно необходимо перенести в Агбер-порт, барон Экарт оказался занят в других раскладах, да и ситуация изменилась...

По зрелом размышлении основных вариантов просматривалось три. Во-первых, можно было не мешать принцессе и графу Эгериту вести свою партию. Вне всякого сомнения, после цепи ошибок и неудач, предательства союзников и довольно тяжелой военной кампании против непременно ввязавшейся Насии они должны были выиграть схватку. А уж затем, удивившись в качестве принца-консорта, постепенно, исподволь накопив ресурсы, заняться своими планами. В этом варианте был только один недостаток: он совершенно не учитывал того, что может натворить за это время Черный барон.

Во-вторых, можно было ввязаться по локоть в подавление мятежа, лезть вверх, объединять вокруг себя все доступные силы и ресурсы, завоевывать авторитет и влияние среди знати, чтобы к окончанию вне всякого сомнения тяжелой и долгой кампании подойти уже признанным лидером. Заманчиво, но этот вариант требовал максимального привлечения и задействования собственных ресурсов. Часть из которых непременно будет растрочена. А вот ресурсы примкнувших, наоборот, в достаточной мере будут сохранены. Что в конце концов может создать некоторые трудности по окончании дела, когда наступит время делить результаты. К тому же этот вариант предусматривал активную политику со стороны самого Грона, а это означало, что к исходу кампании он окажется опутанным довольно большим объемом взаимных договоренностей, обязательств, обещаний и заверений. Чего он пока хотел избежать максимальным образом.

Так что самым предпочтительным выглядел третий вариант, при котором на первом плане оказывались бы принцесса, граф Эгерит и вся партия принцессы в целом, а основной задачей Грона было бы накопление и выстраивание ресурсов для борьбы с Черным бароном на его поле. Ну и сосредоточение сил для помощи принцессе и графу в случае совсем уж критического развития ситуации и, соответственно, предъявления их в качестве козырей в момент дележа результатов. Все остальные, примкнувшие к ним, отпускались как бы в свободное плавание с возможностью совершить все те ошибки, которые они были способны совершить. Если, конечно, эти ошибки не вели к фатальным последствиям для ситуации в целом. Так он и решил.

– Кто еще хочет высказаться? – прозвучал голос графа Эгерита, ведущего заседание последней версии королевского совета, из которого исключили герцога Аржени и еще нескольких вельмож, чье желание поживиться в мутной воде, взбаламученной герцогом, оказалось сильнее верности короне. При этом взгляд графа был направлен на Грона.

Но Грон молчал. Рано. Его время не только говорить, но и отдавать приказы придет тогда, когда всем... ну или хотя бы существенному большинству королевского совета станет ясно, что, если говорит граф Загулема, стоит помолчать и послушать. А пока – пусть решают без него...

Зал заседаний королевского совета Грон покинул одним из первых, в тот момент, когда остальные присутствующие еще только поднимались со своих мест. Официально он вообще не являлся его членом, поскольку королевского указа о назначении графа Загулема членом королевского совета не существовало в природе. Как, впрочем, и того, кто мог его издать. Но вследствие событий последних месяцев все настолько перепуталось, что существенная часть тех, по поводу кого подобный указ существовал, могли бы войти в этот зал только в кандалах, зато их места оказались заняты теми, в отношении которых такового указа не существовало. Грон принадлежал к последним. И хотя ни родовитостью, ни влиятельностью в свете он не мог соперничать ни с одним из присутствующих, негласный титул официального жениха

принцессы, а также слава удачливого полководца примиряли с ним большинство занимавших места в этом зале. А на пару-тройку завистников можно было не обращать внимания... до того момента, пока кого-нибудь из них не понадобится использовать в качестве учебного пособия для предметного урока кому-нибудь действительно важному. До этого их следовало только избегать. Что Грон успешно и делал, появляясь в зале заседаний в последний момент, занимая место на отшибе, рядом с дверью, и исчезая из зала в числе самых первых.

Добравшись до покоев принцессы, в которых он квартировал уже практически легально, Грон обнаружил там давно ожидаемых гостей. В каминной на обтянутых роскошными гобеленами диванах, скромно сложив на коленях крупные мозолистые руки, этак настороженно-испуганно озирались по сторонам Шуршан и Гаруз. А рядом в креслах, свободно развалившись, наслаждались тонким ликером Батилей и Пург.

– И на кого, господа, вы оставили оноту? – произнес Грон, останавливаясь на пороге и окидывая взглядом живописную картину.

– Грон! Онотьер! – Возгласы слились в один, и в следующее мгновение Грон очутился в крепких объятиях друзей и соратников.

Еще будучи под следствием, он с помощью барона Экарта передал в Загулем распоряжение оставаться на месте и удерживать город, не пуская туда никаких войск, подчиняющихся королевскому совету, если полномочия их командира не подтверждены лично им или принцессой. Так что все время его заключения друзья прожили в тревожном ожидании. Немудрено, что, когда из столицы пришли вести о том, что Грон освобожден и с него сняты все обвинения, а затем и личное распоряжение Грона о немедленном прибытии к нему Шуршана с помощниками, Пург и Батилей не выдержали и рванули вместе с ним. Тут скорее оставалось удивляться, почему в каминной не сидит весь офицерский состав его оноты вкупе с сотней-другой ветеранов.

– Ладно-ладно, задуйте, – рассмеялся Грон. – Ну все, хватит. Хватит!

Когда восторги улеглись, Грон уселся перед камином, развернув кресло так, чтобы видеть всех присутствующих.

– Итак, докладывайте, что сделано.

Все переглянулись, причем скорее довольно, чем недоуменно. Перед ними был прежний Грон. И это означало, что все идет своим чередом. Напряженно, неожиданно, опасно и... захватывающе интересно.

– Так это, онотьер, – первым начал Шуршан, – мастре Эмилон выделил пару подмастерьев. Одного своего, а еще одного от мастре Кузуса. Оба толковые, но особенно тот, что от мастре Эмилона. Он говорил, что собирался сделать малого компаньоном, но тот как услышал, что может послужить графу... вам то есть, онотьер, так и вцепился в ваше предложение как клещ. – Шуршан смущенно хмыкнул.

Грон понимающе кивнул. Еще перед отъездом он попросил мастре Эмилона подобрать пару человек из числа молодых приказчиков или помощников купцов, имея в виду впоследствии развернуть разведывательную сеть из числа купцов и их людей. Люди должны были годик постажироваться у Шуршана, а затем заняться созданием собственных сетей, одна из которых должна была базироваться на Агбер-порт, а другая на Загулем или даже на Зублус.

– На хозяйстве я оставил Брована, а сам, как вы и велели, вот... здесь. – Шуршан смущенно развел руками и в очередной раз покосился на диван, на котором сидел, и на стены каминной, обтянутые шелковыми обоями с золотым тиснением. В таком роскошном помещении он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Грон кивнул и перевел взгляд на Батилея. Тот, до сего момента с улыбкой слушавший доклад Шуршана, мгновенно посерьезнел и начал свою часть доклада:

– В оноту набрано еще около восьми сотен человек. Почти половина – добровольцы из городского ополчения, хорошо зарекомендовавшие себя во время осады. Остальные наемники.

Восьмерых из числа новичков Шуршан взял на заметку. – Он перевел взгляд на начальника их секретных служб.

Шуршан кивнул и добавил:

– И Ловкие Руки докладывал, что у него появилось несколько подозрительных типов.

Грон взглядом задал вопрос Шуршану. Совершенно очевидно было, что Черный барон давно уже взял под контроль заметную часть главарей преступного мира Насии, да и в другие королевства вполне мог забросить свои щупальца. Поэтому еще в Загулеме Грон начал разрабатывать операцию по созданию в преступных сообществах Насии собственной сети. Для чего требовалось вначале хотя бы собрать информацию о том, какие из группировок Насии ну или для начала Зублуса находятся под контролем Черного барона, а какие пока относительно независимы. А затем, сыграв на противоречиях, провести вербовку. Для чего предполагалось использовать людей из окружения Акмонтера Ловкие Руки. Но тот упорно отказывался идти на более тесное сотрудничество, блюдя, так сказать, честь «честного вора».

– Не извольте беспокоиться, онопьер, – успокоил его Шуршан, – Акмонтер как услышал, что тут с вами приключилось, так сам прибежал и предложил подмогнуть вам с помощью его собственных связей в Агбер-порте. За вас весь Загулем теперь горой стоит. Можете не сомневаться.

Это было хорошей новостью. Грон довольно кивнул.

– Ладно, – он снова повернулся к Батилею, – значит, у нас около двух тысяч мечей.

– Две тысячи триста, если быть точным. Но твоим требованиям соответствуют всего около тысячи двухсот. Остальных еще учить и учить.

– Ничего. Время будет. Вот только валяжничать нам совершенно некогда. У нас тут, как вы, наверное, слышали, мятеж. Так что большая часть наших герцогов и графов сейчас примутся активно разорять земли герцогов Аржени. А заметную часть королевской армии отправят охранять границы. Я думаю выпросить у принцессы полка три-четыре и отправить их в Загулем. А уж там нагрузу вас переобучением и их. К исходу кампании по подавлению мятежа я хочу иметь под рукой тысяч десять – двенадцать хорошо обученных новой тактике мечей. Сдается мне, они не помешают, когда настанет время выяснить, кто есть кто в этом славном королевстве.

Грон задумался. Пока все развивалось так, как оно и должно было исходя из его прикидок. Нет, если бы у него была возможность вообще все устроить по собственному разумению, он бы многое делал не так. Например, вообще не отвлекался бы на небольшую гражданскую войну в королевстве, а, собрав мощный кулак, ударил бы по Насии, сосредоточив усилия на захвате столицы и пленении Черного барона. После чего мятеж рассосался бы сам собой либо был бы подавлен куда как более легко. Но... как говорится, дай нам, Господи, силы изменить то, что мы можем изменить, терпения перенести то, что мы изменить не в силах, и мудрости, дабы суметь отличить первое от второго. Пока Грон был неключевой фигурой на доске, и потому им приходилось считаться с желаниями, чаяниями, ожиданиями и запросами слишком большого количества фигур. Так что оставалось только придерживаться избранной тактики и ждать момента, когда можно будет сделать свой ход. Впрочем, был еще один фактор, который мог бы превратить любую деятельность в совершенно бессмысленную...

Грон повернулся к Пургу. Тот спокойно выдержал его взгляд, а затем молча качнул головой. Ничего. И это было самым плохим. Ибо основной задачей, стоящей перед Пургом, было попытаться хоть что-то выяснить по поводу того, почему местный Владелец демонстративно манкирует собственными обязанностями, вот уже который год не вмешиваясь в буквально тотальную войну, охватившую все местное Владение, именуемое Шесть королевств...

Две жизни назад Грон появился на свет под именем Казимира Яновича Пушкевича. В четырнадцать лет он потерял всю семью и оказался ввергнутым в горнило самой страшной из боен, когда-либо устроенных человечеством. Пройдя всю Вторую мировую войну и выжив на

ней, он стал известен всем разведкам мира под агентурной кличкой Клыки, которая наилучшим образом отражала его сущность. Европа, Азия, Африка и обе Америки хранили на себе следы его подошв. Он был бойцом, бойцом до мозга костей, бойцом, не знавшим, что значит не выполнить задачу либо потерпеть поражение. За это ему прощалось многое. Причем не только начальниками, но и самой судьбой. Так что когда он уже глубоким стариком вступил в свою последнюю схватку, в которой по любым логическим раскладам не был способен победить, судьба выбросила ему новый шанс. Шанс на вторую жизнь. Правда, уже не на Земле, а в другом мире, переместив его сознание в тело недоразвитого четырнадцатилетнего паренька, подвизавшегося на побегушках в припортовой гряде на острове Тамарис. Тот мир был чист и свеж, как Земля во времена Древних Греции и Рима. Но это не было predetermined обычной логикой развития. Просто некто, именуемый Творцом и входивший в пантеоны всех религий того мира, а на самом деле являющийся всего лишь чрезвычайно сложным искусственным устройством, регулярно, с периодичностью где-то раз в тысячу лет, устраивал глобальный катаклизм сродни Всемирному потопу, стиравший с лица того мира цивилизацию, которую люди успели создать за время, прошедшее с предыдущего катаклизма. А за тем, чтобы этот порядок оставался неизменным, наблюдала специальная организация, именуемая Орденом.

Орден обладал некоторыми технологическими возможностями, часть из которых была недоступна даже той цивилизации, стоявшей на лестнице технологического развития намного выше этой, из которой вышел Казимир Пушкевич, в новом мире принявший имя Грон (уж больно сильно привыкло к этому прозвищу его новое тело). Например, они обладали возможностью засекать факт переноса разума. И, справедливо предполагая, что пришельцы из чужого мира никак не будут способствовать сохранению стабильности, тут же открывали охоту на прибывших. Более пятидесяти тысяч лет, пятьдесят Эпох, эта охота неизменно оказывалась успешной. Но не в этот раз...

Грон не только выжил, расправившись со всеми охотниками, но и принял вызов, объявив войну Ордену. И затряслась земля от мерного шага огромных армий, и забурило море, взбаламученное тысячами весел, и закрошились камни, разбиваемые в песок тысячами кованых лошадиных копыт, и... исчез в пламени атомного взрыва Остров, местообиталище Творца, и рухнула Скала, хранившая в своих недрах могущественное Око. Так окончил свою жизнь Великий Грон, Командор легендарного Корпуса, тот, перед кем склонились люди и боги...

Чтобы очнуться в изуродованном теле юного пажа, в новом мире, внешне совершенно отличном от того, который он только что покинул, но, как Грон теперь понимал, скованном столь же кандалной неизменностью. Здесь никто не слышал о Творце, но мир был ничуть не менее неизменен. И виной этому были Владетели, могущественные то ли маги, то ли боги, поделившие этот мир на множество Владений, в границах которых они были почти всесильны. И тут выяснилось, что природа силы, с помощью которой Владетели правили этим миром, сродни природе Творца, которой Грон был щедро опален еще в прошлом мире. И это принесло некоторые неожиданности. Так, например, выяснилось, что Безымянные, личная гвардия Владетелей, состоявшая из людей, лишенных памяти и вообще осознания собственного «я», зато ставших нечеловечески сильными, ловкими и не знающими страха, а также беспредельно преданных создавшему их Владетелю, внезапно признали Грона своим Повелителем.

Грон был вынужден спешно покинуть пределы Владения, в котором очутился в момент своего переноса в этот мир, и отправиться исследовать его, по пути строя планы, как обустроиться в этом мире и разыскать артефакт под названием Белый Шлем, способный в момент смерти переносить сознание того, на чью голову он надет, в следующий мир. Он совершенно не собирался задерживаться в этом мире надолго. Но... действительность опять внесла свои коррективы. Грон встретил друзей, свою любовь, а затем и столкнулся еще с одним пришельцем из другого мира. Это был колонтель Исполнительной стражи Кулака возмездия Великого равноправного всемирного братства Мегхин Агхмигаг, в этом мире носивший имя Черного

барона, ближайшего советника короля Насии. Судя по набору жизненных ценностей и приемов работы, эта Исполнительная стража Кулака возмездия Великого равноправного всемирного братства являлась чем-то вроде гитлеровского гестапо или НКВД времен Ежова, так что Грон и Черный барон мгновенно оказались по разные стороны баррикад. Барон сумел взять его в плен, попытался склонить к сотрудничеству, повязав кровью, причем кровью той женщины, которая была Грону дорога, хотя в тот момент Грон еще не знал об этом, а затем, когда им с Мельсиль удалось вырваться из его лап, нанес удар, убив отца принцессы, короля Агбера, и обвинив в преступлении самого Грона. И теперь в их противостоянии с Черным бароном наступал следующий этап...

– Добрый день, господа, ужасно рада вас видеть, – с искренней радостью в голосе произнесла Мельсиль, входя в сопровождении барона Экарта в гостиную.

Пург и Батилей, вскочив, тут же отвесили галантный поклон, приложившись к ручке принцессы, а Шуршан и Гаруз густо покраснели и согнулись в обычном крестьянском поклоне, даже не попытавшись хоть как-то повторить исполненное их товарищами па-де-де. Вот ведь интересно, видели же оба и принцессу, и барона, да что там видели, рядом скакали и разговоры вели. А с бароном так и дрались плечом к плечу, и никакого смущения при этом у них не наблюдалось. А вот ты, попали в незнакомую и роскошную обстановку королевских покоев, поди ж, и всё, стушевались. Не-эт, не зря все-таки короли и епископы тратили такие деньги на постройку величественных дворцов и соборов, очень точно рассчитано все... Весьма способствует устойчивости власти. Лишь бы сама власть не подводила... Да и потомкам прибиток славный. Сколько туристов готовы тратить бешеные деньги, чтобы только попялиться на Версаль, галерею Уффици или собор Святого Петра.

– Что же вы так быстро ушли, граф? – укоризненно попенял Грону барон, когда с приветствиями было покончено. – Граф Эгерит собирался оставить пять-шесть наиболее разумных людей, дабы обсудить с ними предполагаемые планы подробнее. И вас он непременно хотел видеть в их числе.

Грон добродушно развел руками:

– Покорнейше прошу простить, просто в составе королевского совета есть один такой рослый дворянин... он еще предпочитает в одежде золото с голубым, так вот у меня сильное подозрение, что он настойчиво ищет повода вызвать меня на дуэль.

Барон удивленно вскинул брови:

– Если бы я знал вас чуть хуже, граф, я расценил бы ваши слова как... боязнь. Но я знаю вас очень хорошо, поэтому не поясните ли свою мысль? А то я что-то не улавливаю вашей логики...

Грон усмехнулся:

– Просто мне незачем его убивать. А я с некоторых пор пришел к выводу, что, хоть без смертей не обойтись, их число необходимо всемерно ограничивать. Даже если это смерти врагов, не говоря уже об обычных глупцах. И пока мне не понадобится наглядно преподать урок кому-нибудь еще, я постараюсь не позволить ему претворить в жизнь его столь глупое желание.

Присутствующие многозначительно переглянулись. С подобным подходом здесь никто еще не сталкивался. Но разве Грон в первый раз удивлял их тем, что открывал совершенно новый угол зрения на вполне, как до этого казалось, обыденные и привычные вещи? Так что все было обычно.

Барон многозначительно покивал, а затем окинул взглядом присутствующих и, усмехнувшись, спросил:

– Могу ли я понимать присутствие здесь этих господ как свидетельство того, что вы также, по примеру графа Эгерита, решили собрать некий свой ближний круг, дабы обсудить с ними свои планы?

– В общем, да, – отозвался Грон, – хотя их присутствие здесь в данный момент означает лишь то, что они только что приехали и пришли доложить мне о своем прибытии. Обсуждение мы планировали начать чуть позже. И непременно пригласить на него и вас, барон.

– А могу я просить вас расширить круг за счет самого графа и людей, которых он посчитал...

– Не думаю, что это хорошая мысль, барон, – мягко прервал его Грон. – Насколько я могу предположить, среди этих пяти-шести человек не все приглашены графом исходя из его собственной предрасположенности. Часть из них, вероятно, введены в этот круг потому, что гораздо безопаснее держать их поблизости от себя, чем позволить им бесконтрольно заниматься чем им только вздумается.

Барон усмехнулся:

– В очередной раз поражаюсь не столько вашей проницательности, этому я уже перестал удивляться, сколько умению точно сформулировать мысль.

– Ну и зачем они нам здесь? – пропустив комплимент мимо ушей, напрямую спросил Грон. – Если граф считает необходимым свое личное присутствие – милости просим. С остальными пока погодим. К тому же не знаю, насколько даже его личное присутствие будет разумно. Этак получается как бы два отдельных ближних круга. Пусть лучше будет один, при графе, а мы тут просто будем собираться компанией старых соратников по битвам. А все, что нужно, вы сообщите графу сами.

Барон задумался.

– Хм, – произнес он спустя некоторое время. – Вы правы, возможно, это будет наиболее разумным.

На том и порешили.

Ночью, когда они уже успели не только устать, но и немного отойти от бурных ласк, Мельсиль повернулась на бок и, ухватив его руку, прижалась к ней грудью и животом, а потом прошептала:

– Если бы ты знал, Грон, как ты мне нужен...

– Я знаю, – тихонько ответил он.

– Нет! – громко прошептала она. – Нет! Потому что я и сама этого не знала. Не знала до того момента, как тебя отняли у меня и спрятали за железной дверью в той башне. Я... мне вить хотелось от тоски... я на все была готова, чтобы только вытащить тебя оттуда. Каждый день без тебя отнимал у меня силы и желание жить. Герцог Аржени, похоже, понял это, потому что он яростно отстаивал запрет на нашу встречу. А Эжен в ту ночь, когда он попытался напасть на мои покои, был словно обезумевшим. Он рвался ко мне, даже когда уже получил удар в печень. Все пытался дотянуться ангилотом и ревел: «Шлюха, подлая шлюха!...»

Грон замер. Никто! Никогда! Не смеет оскорблять его женщину! Это непреложный закон природы! А Мельсиль почувствовала, как напряглось его тело, и, тихонько рассмеявшись, шаловливо куснула его за плечо.

– Глупый... Я в тот момент, наоборот, просто смеялась от счастья. Потому что это нападение означало, что они проиграли. И что ты скоро будешь со мной. – Она внезапно отпустила одну руку и, сжав ее в кулачок, довольно чувствительно ударила его в грудь. – Почему ты так долго шел до моих покоев, несносный? Я уже на стенку лезла!

Грон улыбнулся:

– Я был немного занят, любимая. Надо было окончательно разъяснить все недоразумения с графом Сакриензенем.

Мельсиль вздохнула:

– Он, конечно, зануда, но, по крайней мере, он честен. Если бы ты знал, чего мне стоило протолкнуть на пост председателя суда именно его. Если бы не это, с тобой могли бы расправиться уже через пару дней. И мы просто не успели бы что-либо предпринять.

Грон осторожно высвободил руку из объятий Мельсиль и, обняв принцессу, прижал ее к себе.

– Не волнуйся, любимая. Со мной не так-то легко расправиться. И вот что я хочу попросить тебя запомнить. Навсегда. Даже если кто-то скажет тебе, что я мертв, все кончено и никакой надежды больше нет, – не верь. Потому что это неправда. – Он на мгновение замолчал, потому что его сердце пронзила игла воспоминания. Ибо нечто подобное он уже говорил как-то одной женщине в другом, оставшемся позади мире. Но и в этом мире, здесь и сейчас, это также должно было быть сказано. Поэтому он закончил: – Что бы ни случилось, я обязательно вывернусь и приду за тобой. Каким бы все это ни казалось безнадежным даже тебе самой. Ты поняла?

Мельсиль извернулась, подняла голову и заглянула ему в глаза. Ее глаза в зыбком свете луны блеснули в темноте как два загадочных изумруда. Несколько мгновений она не отрываясь смотрела на него, а затем счастливо вздохнула и прижалась щекой к его груди.

– Я поняла, милый. Не беспокойся. Так и будет.

И с этими словами она заснула.

2

- Имя?
- А?
- Зовут тебя как?
- Так это... Заглот, ваша милость. Вы ж знаете!
- Знаю, не знаю – не твое дело. Отвечай, когда спрашивают!

Огромный увалень со слегка осоловелым лицом недоуменно наморщил лоб и почесал под мышкой. То, что происходило в этой камере, куда его привели, оторвав от занятия, которым он всегда с упоением занимался, в очередной раз попав в лапы городской стражи Агбер-порта, приводило его в искреннее недоумение. Он, член одной из наиболее заслуженных и уважаемых банд дубинщиков в Агбер-порте, три дня назад попался во время своего промысла. И был опознан гражданином, которого за час до этого прижал с подельниками в одном из узких припортовых переулков. Однако ничего из украденного при нем найдено не было, «орудие производства» он успел скинуть мальчишкам, сопровождавшим их тройку (в задачу которых как раз и входило быстро унести награбленное в логово шайки и в случае появления стражи и невозможности скрыться избавить старших товарищей от орудий преступления), поэтому максимум, что ему грозило, это стандартные двадцать плетей, назначаемые для профилактики всем поголовно, чья вина хоть и не вызывала сомнений, но была недоказуема с помощью обычных юридических процедур. Что при его комплекции и толщине шкуры являлось для него наказанием совершенно плевым. Так что Заглот вполне обоснованно рассчитывал уже в ближайшие выходные, получив на припортовой площади свою обычную порцию плетей, снова оказаться свободным как ветер. А пока следовало как следует отдохнуть и отоспаться, потому как, стоит только возвратиться, старшой тут же погонит на дело. И вот такая засада... поднимают, ведут невесть куда, спрашивают... А чего спрашивать-то? Господину Фламию, старшему дознавателю припортового квартала, все дубинщики давно известны как облупленные. Небось с каждой головы ему кажин месяц положенная мзда идет. И чего это, спрашивается, достойного человека законного сна лишают? Ну вообще какой-то беспредел начался, право слово...

Все эти мысли были настолько явно написаны на лице дубинщика, что Грон едва не рассмеялся. Вот уже четвертый день они с Шуршаном будто на работу приходили в городскую тюрьму. С момента его освобождения прошло уже десять дней. В королевском дворце вовсю бурлила жизнь, ежедневно заседал королевский совет, на котором разворачивались бурные баталии. Так, например, партии аристократов шустро объединились в желании урвать побольше привилегий или, на худой конец, хотя бы кусок пожирнее, воспользовавшись столь нечасто случающимся при монархической форме правления периодом смены власти, и путем головокружительных интриг им удалось заставить партию принцессы отложить ее коронацию «до полного восстановления целостности государства»... Кроме того, пороги покоев принцессы Мельсиль продолжали обивать многочисленные сановники, владетельные дворяне из провинций и просто искатели приключений, спешившие использовать шанс и как-то возвыситься. Смута ведь лучшее время для того, кто был никем, попытаться стать всем. Во всей этой суматохе не участвовали только очень немногие люди, часть из которых раз в два-три дня собиралась в каминном зале личных покоев принцессы. Причем сейчас их число еще больше уменьшилось. Поскольку два дня назад королевский тяжелый пехотный полк, первый полк королевских пикинеров и первый рейтарский отбыли на юг для усиления, как это говорилось в указе королевского совета, охраны границы вновь приобретенных владений.

Для целей Грона части подходили практически идеально. Пехотные полки никогда не пользовались особой популярностью среди аристократии, а первый рейтарский вообще считался линейным полком, предназначенным для дальней гарнизонной службы, поэтому особо

гонористых представителей высшей аристократии там отроду не было. А малая толика представителей знатных фамилий и авантюристов из числа безземельных дворян, служивших в этих полках и ныне жаждавших поучаствовать в легкой и необременительной прогулке, именуемой подавлением мятежа, и в последующем дележе добычи, с благословения принцессы были отпущены со службы и приписаны к тем полкам, которые были предназначены для участия именно в этом деле. Либо вступили в сводные дворянские полки, выставяемые домами, поддерживавшими партию принцессы. Так что особых проблем с выстраиванием процесса переподготовки у Пурга с Батилеем, отбывших вместе с этими полками, не предвиделось. Особенно с учетом того, какие распоряжения находились в запечатанных пакетах, врученных их командирам перед самым отбытием с приказом вскрыть только после прибытия к определенному им месту дислокации в графстве Загулем. Сам же Грон занялся делом, которое считал для себя наиболее важным и в котором он действительно мог поучаствовать с максимальной интенсивностью. А именно отбором и подготовкой кадров для разворачивания секретной службы.

Практика рекрутирования сотрудников специальных служб из числа представителей преступного мира и в его старом мире не была чем-то из ряда вон выходящим. Многие именитые полицейские нового времени в прошлом были известными преступниками. Так, например, знаменитый Франсуа Эжен Видок, бывший преступник, ставший впоследствии первым главой Главного управления национальной безопасности, знаменитого *Sûreté*. А уж его родное ВЧК-НКВД-КГБ вообще изначально создавалось спецнами по эксам¹, контрабанде и нелегальному переходу границ. Так что подобный подход в его ситуации был вполне оправдан, а уж с учетом положения, в котором он оказался здесь и сейчас, вообще представлял собой едва ли не единственную реальную возможность быстро обзавестись кадрами...

— Ладно, свободен, — лениво бросил господин старший дознаватель припортового района и, когда за спиной Заглота с грохотом захлопнулась дверь, резво развернулся в сторону двух господ, все время допроса сидевших за небольшой ширмой и рассматривавших его посетитель через едва заметные щели.

Часть из них, как, например, тот же самый Заглот, даже не заметили ширмы. Такие Грона практически не интересовали. Некоторые заметили и все время опасливо косились на ширму, не столько догадываясь, что там кто-то есть, сколько из свойственного людям опасения всего непривычного. Это только воспитанному на лихо закрученных сюжетах криминальных боевиков обывателю кажется, что преступники все поголовно ловкачи, тонко и хитроумно играющие с законом. На самом деле это не так. Подавляющее большинство преступников как раз недоумки, не сумевшие, а часто и не попытавшиеся просчитать последствия своего «хочу вот это сейчас». То есть обычные обыватели, которым в детстве семья и школа отчего-то не сумели привить достаточные верные и, главное, прочные понятия того, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Да и даже, по большому счету, не в этом дело. Сколько бы сознательно (а не по пьяни или в процессе семейного скандала) совершенных преступлений никогда бы не произошло, если бы готовившие их хотя бы на пальцах или на примитивном калькуляторе просто прикинули соотношение планируемого дохода с вероятностью того, что рано или поздно, пусть не сразу, не в момент совершения преступления, но, скажем, через месяц, полгода или год они таки попадут в лапы закона.

Потом разделили бы полученный результат на срок будущей отсидки и с удивлением обнаружили, что при подобном раскладе гораздо выгоднее и куда как полезнее для здоровья все это время отработать обычным дворником. Так что самая большая часть преступников, про-

¹ **Эксы** – экспроприации, то есть откровенный грабеж и разбой, практиковавшиеся революционерами с целью добычи денег на собственное существование, на содержание лидеров в эмиграции в странах Западной Европы, а также на иные аспекты революционной деятельности. (Здесь и далее примеч. авт.)

шедших перед Гроном и Шуршаном, были всего лишь обычными обывателями, попавшими в преступники просто по собственной глупости. Таковыми они, несмотря на то что за некоторыми уже тянулся шлейф преступлений, и остались. На таких Грон также обратил не очень много внимания, на всякий случай взяв «на карандаш» девятерых, показавшихся ему наиболее смысленными и услужливыми. И только семеро, едва войдя в камеру для допросов, мгновенно поняли, что происходит нечто необычное и что главным лицом в этой камере сегодня является вовсе не старый и привычный старший дознаватель портового района, а кто-то загадочный, кто прячется за ширмой. А четверо из них даже сумели вычислить, что за ширмой двое. И вот эти-то заинтересовали его больше всего. Теперь предстояло разобраться с ними поподробнее. А еще Грон надеялся, что его визиты в тюрьму не окажутся незамеченными и для кое-кого, с кем он очень рассчитывал переговорить. Тем более что он начал эти визиты только тогда, когда посчитал, что полностью готов к разговору.

– Это был последний, господа. – Старший дознаватель развел руками. – Прошу прощения, в эту неделю улов не слишком велик. Городская стража сильно перегружена, к тому же часть стражников мобилизованы на пополнение королевских полков. Ну вы сами знаете...

– Благодарю вас, господин дознаватель, – учтиво кивнул Грон, выходя из-за ширмы. – Не волнуйтесь, вы нам очень помогли. Сразу видно, что вы знаете весь свой контингент. Возможно, именно поэтому уровень преступности в Агбер-порте и является столь низким по сравнению, скажем, с портами Геноба.

Старший дознаватель расцвел. Все-таки не зря раньше во всех советских магазинах висел лозунг: «Ничто не обходится так дешево и не ценится так дорого, как вежливость». Хотя в первом своем постулате он и являлся совершенно ошибочным. Человеку, с детства не приученному к простоте и уважительности в общении с другими, вежливость способна обходиться чрезвычайно дорого. Все мы привыкли вести себя в соответствии с тем, как это комфортно для нас самих. И если кто-то привык хамить, либо самоутверждаясь за счет унижения других, либо просто не представляя, что можно вести себя как-то иначе, то, даже несмотря на то, что это хамство будет обходиться ему дорого, будь то в финансовом или даже в прямом физическом выражении, он все равно будет продолжать хамить при первой же возможности. И способен воздерживаться от хамства только лишь в том случае, если будет *твердо уверен*, что за это поплатится. За две свои прошедшие жизни Грон не раз и не два встречался с людьми подобного типа и успел очень хорошо их изучить. Для него они относились к категории существ, которым весьма неуютно жить с ненабитым табло.

– Чем еще я могу вам помочь, господа?

Грон вежливо покачал головой:

– Пока ничем, благодарю вас.

– Ну если вам что-нибудь понадобится, так вы только скажите, – разливался соловьем старший дознаватель, провожая их к дверям камеры.

Кем точно являются эти двое, ему за четыре прошедших дня разузнать так и не удалось. Просто они однажды появились у дверей его камеры и передали ему запечатанный конверт, в котором было письмо за личной подписью самого графа Эгерита. В письме недвусмысленно предписывалось оказывать «подателям сего» полное и всеобъемлющее содействие «по любым возникающим у них вопросам». Господа были вежливы, но до определенного предела. Когда один из старших надзирателей недостаточно качественно, по их меркам, выполнил приказ об уборке камеры, младший из парочки, ни на гран не изменив обычного приветливого выражения своего лица, с размаху заехал ему в ухо, а затем содрал со старшего надзирателя рубаху и велел теперь вымыть полы уже именно ею. После чего старший дознаватель дал себе слово быть с гостями предельно вежливым и предупредительным. И пока эта политика позволяла ему переживать присутствие неожиданных гостей с наименьшими потерями. Хотя... кто знает. Ведь ему пришлось рассказать им *все*, ну просто все, что их заинтересовало. Даже то, что он

покаялся, да не кому-то там, а себе самому, никогда и никому не рассказывать. Но когда он было попытался соблюсти эту клятву и не касаться опасных тем, этот молодой, все так же вежливо улыбаясь, посмотрел на него взглядом, от которого у Фламия кровь застыла в жилах, и этак огорченно произнес:

– По-моему, господин старший дознаватель, вы нам не все рассказываете...

И Флами, облизав мгновенно пересохшие губы, шумно откашлялся и заговорил...

Выбравшись из тюрьмы, Грон с Шуршаном остановились на перекрестке и, бросив задумчивый взгляд на широкую улицу, ведущую прямо к храмовой площади, решительно свернули на узкую боковую, сначала нырявшую в мешанину узких и кривых переулочков и тупиков и только затем, не торопясь и извиваясь, избегавшую к храмовой площади. Это были самые задворки припортового района. Поэтому, когда из темного провала полуразвалившейся хибары им навстречу выскочили четыре крепких мужика, одетые в довольно поношенные и не бросающиеся в глаза, но добротные и просторные куртки и короткие, до колен, штаны, Грон совершенно не удивился. Тем более что Шуршан еще пару минут назад, когда они прошли очередной узкий поворот этой причудливо изгибающейся улочки, вроде как случайно слегка толкнул его в бок... Они с Шуршаном остановились. Грон чуть скосил глаза. Еще трое блокировали их сзади. Похоже, все семеро отнюдь не новички в уличных схватках, так что при прямом столкновении, несмотря на все его умения, накопленные за столько жизней, Грон бы поостерегся гарантировать успешный для себя результат схватки. Если бы не одно «но»...

– Прошу простить, ваша милость, – один из четырех перекрывших им дорогу впереди сделал шаг навстречу и сдернул с головы потертую шапку, – но с вами хотят поговорить.

– Давно пора, – отчего-то совсем не испуганно, а этак даже несколько сердито буркнул Грон. – Мы уже четвертый день регулярно навещаемся в тюрьму и ведем совсем уж непонятные разговоры со старшем надзирателем, а смотрящий даже не шевелится. Он вообще чем занимается-то, а?

– Э-э-э... как?.. – ошарашенно переспросил громила, сообщивший им, что с ними хотят поговорить.

– Нет, ну что за тупой? – уже немного более громко заявил Грон. – Ты только посмотри, Шуршан, где они такого нашли? Что, никого более толкового не нашлось, любезный?

Громила насутился:

– Для вас, ваша милость, и меня вполне хватит за глаза. Идите за мной, коли не хотите, чтобы... – И тут его слова были прерваны легким шумом и короткими вскриками, донесшимися из-за его спины.

Громила обернулся, как выяснилось, только лишь для того, чтобы оторопело уставиться на тела трех его подельников, живописно расположившихся на грязных камнях улочки. Трое же тех, по чьей вине его подельники приняли столь живописные позы, сейчас решительно двинулись к нему. А легкий топот за спиной Грона доказал, что соотношение сил окончательно изменилось в очень неприятную для громилы сторону.

– Эй, без глупостей! – негромко приказал Грон. – Твои люди живы и вскоре очухаются. А ты передай Горсти Камней, что я жду ее сегодня вечером в «Кривом зубе». Я думаю, трактир ее собственной мамы – достаточная для нее гарантия ее безопасности?

После слов Грона с громилы можно было ваять скульптуру под модно-креативным названием: «Абсолютно оторопевший». Ну еще бы, о том, что смотрящего Агбер-порта зовут Горсть Камней, знали довольно многие, но вот о том, что под этим именем скрывается женщина, было известно весьма ограниченному кругу лиц. Ну а уж знающих о том, что мать Горсти Камней содержит трактир «Кривой зуб», можно было пересчитать по пальцам одной руки.

– Откуда вы?.. – ошарашенно начал он, но Грон уже обошел его и двинулся вверх по улочке, сопровождаемый Шуршаном и его людьми.

У него до вечера было еще много дел.

Этим вечером в «Кривом зубе» было довольно многолюдно. Вот только внимательный взгляд вряд ли разыскал бы среди множества лиц так уж много завсегдатаев. Нет, завсегдатаи, как им и положено, время от времени появлялись в дверях и даже делали шаг за порог, но затем резко притормаживали, и, окинув испуганным взглядом угрюмые бородатые лица тех, кого они даже в светлое время суток предпочитали осторожно обходить по другой стороне улицы, большинство их предпочли внезапно вспомнить, что этот тихий, спокойный вечерок они собирались провести где-нибудь еще. Так что, хотя на первый взгляд в «Кривом зубе» было так же многолюдно, как и обычно, состав посетителей в этот вечер в таверне был совершенно другой. И еще более верным это утверждение стало после того, как уже на закате двери таверны распахнулись и на ее пороге появились двое посетителей, внешним видом разительно отличающиеся от остальной публики. Первый из вошедших, высокий светловолосый юноша, окинул таверну насмешливым взглядом, небрежно стянул с головы шляпу и широким шагом двинулся через весь зал к столу, стоявшему в углу, практически у самой стойки, который, наверное, вследствие какой-то мистической случайности оказался незанятым.

Едва двое вошедших уселись за стол, как к ним, шаркая ногами, подошла сама хозяйка таверны, Хромая Бигда. Мазнув по столу засаленной тряпкой, что, впрочем, никак не отразилось на его состоянии, Бигда ощерила щербатый рот в странном оскале, в котором только завсегдатаи таверны могли бы узнать улыбку ее хозяйки, и, шепелявя из-за когда-то давно выбитых зубов, произнесла:

– Чего изволите, ваша милость?

– Пива... и дочку! – заявил юноша. – И то и другое побыстрее, пожалуйста!

Таверна замерла. Это была уже наглость. Даже не всем присутствующим в таверне было известно, что глава всех портовых воров по прозвищу Горсть Камней является не просто женщиной, но и дочерью владелицы «Кривого зуба», но те, кому это было известно, совершенно ошалели от подобных слов. Тем более что свидетелей разговора Грона с громилой на той узкой улочке здесь вроде как видно не было.

В зале таверны повисла напряженная и очень недобрая тишина. Несколько мгновений ничего не происходило, а затем из кухни послышался стук каблуков. Он приближался, становился громче, а затем из дымного марева вынырнула женщина средних лет, с довольно простым, но добрым и спокойным лицом, одетая в слегка поношенное, но чистое платье, изрядно застиранный, однако еще не потерявший форму передник и белый, вернее даже белесый, чепец, с подносом в руках. Дробно грохоча каблуками деревянных сабо, она торопливо подскочила к столу, шваркнула на него поднос и проворно бухнула перед Гроном и Шуршаном по паре кружек, увенчанных белой шапкой пены.

– Чего еще изволите, ваша милость? – по-служаночьи приторно улыбнувшись, поинтересовалась она.

Грон усмехнулся:

– Больше ничего, Горсть. Присаживайся. Рад знакомству.

На лице мнимой служанки тут же возникла гримаса досады. Она зло зыркнула на Грона и, сдвинув на угол стола поднос, с совершенно уже другим выражением лица уселась за стол.

Пару мгновений они молча разглядывали друг друга, а затем Горсть Камней сердито буркнула:

– Что надо, ваша милость?

На этот раз вполне привычное уху обращение в ее устах прозвучало почти издевательски. Грон нахмурился и едва заметно качнул головой:

– Не хами мне, Горсть, те из твоих соратников, кто рискнул нахамить мне в Загулеме, потом очень пожалели об этом... некоторые до сих пор жалеют, надо сказать.

– В Загулеме? – Горсть Камней недоверчиво уставилась на Грона, затем ее взгляд переместился на Шуршана, и она насмешливо осклабилась. – А это, значит, тот самый знаменитый Шуршан? Игил! – вдруг рывкнула она во все горло.

– Да, Горсть! – Перед столом мгновенно возник тот самый громила, с которым Грон днем разговаривал в переулке.

– Так как, ты говоришь, этот белокурый мальчик звал своего телохранителя? Шебуршок?

– Д-да... вроде...

Горсть Камней размахнулась и со всей силы отвесила своему подручному увесистую затрещину. Грон даже подивился, как женская рука смогла нанести такой удар. Мужика аж чуть отбросило в сторону.

– Ты тупой, Игил. Причем намного тупее, чем я раньше думала, понятно? – заявила Горсть громиле, ухватившемуся за ухо.

А Грон сгреб со стола кружку, сдул пену и, сделав большой глоток, добавил:

– Ну а я тебе о чем днем говорил?

Таверна на мгновение замерла, не зная, как реагировать, но тут лицо Горсти расплылось в такой усмешке, что уже одно это породило легкие смешки за соседними столиками. А когда Горсть весело, звонко, будто добропорядочная мать многочисленного семейства, залилась тонким, высоким смехом, весь зал дружно грохнул.

Отсмеявшись, Горсть Камней подтянула к себе одну из двух лишних (ну или запасных) кружек пива, которые сама же и поставила на стол, и, сделав щедрый глоток, уперла в Грона тяжелый взгляд.

– Итак, чем же это я так заинтересовала графа Загулема, что он напросился на встречу со мной?

Грон соразмерно отхлебнул в ответ и задумчиво спросил:

– А ты уверена, что это именно то место, где стоит обсуждать такие вещи?

Горсть Камней повела взглядом по многолюдному залу, чуть сморщила лоб, а затем решительно поднялась:

– Шакиф!

– Да, Горсть! – Перед столом на смену куда-то испарившемуся Игилу тут же нарисовался довольно шуплый, но чрезвычайно юркий мужичок, внешность которого, если бы это происходило на Земле, Грон бы отнес к явному кавказско-средиземноморскому типу.

– Когда гости прикончат первую кружку, проводи их в мою светелку, – чуть усмехнувшись, приказала Горсть Камней. – И организуй, чтобы матушка доставила туда все, что я люблю. Ну и что гости закажут сами.

– Конечно, Горсть. – Шакиф расплылся в улыбке столь широкой, что, если бы ему в этот момент поднесли бутерброд из разрезанного вдоль батона, он мог бы отправить его в рот целиком, не откусывая.

Когда Горсть скрылась в дымном мареве кухни, Шуршан поспешно потянулся к кружке, но Грон придержал его руку:

– Не торопись. Здесь на диво вкусное пиво. Грешно пить его залпом...

Светелка Горсти Камней, до которой они добирались довольно долго длинными подземными переходами, оказалась размером с зал для допросов. То есть там вполне мог разместиться стол для семи членов суда, и еще две трети комнаты оставалось для допрашиваемого с охраной. Вот только в отличие от залы для допросов это помещение было заставлено мебелью – диванами, ширмами, сундуками, тяжелыми шкапами. Как и предполагал Грон, когда останавливал Шуршана, Горсть встретила их уже переодетая в мужскую одежду. По покрою эта одежда была простой, но сшита из дорогих материалов, хотя и не слишком броской расцветки. Из украшений, которые Грон непременно ожидал увидеть (все-таки Горсть Камней была женщиной), на ней были только массивный золотой браслет, брошь и пара перстней. Ну и, возможно, серьги,

которые было не разглядеть, поскольку уши этой удивительной женщины, держащей в кулаке все многочисленное и довольно буйное дно такого большого города, как Агбер-порт, прикрывали волосы.

– Садитесь. – Горсть указала на диван, заваленный шитыми золотом парчовыми подушками. Когда Грон устроился на диване, разворошив горку подушек и распахав их по сторонам, она снова устремила на него тот же тяжелый взгляд, но вопрос задала уже совершенно другой: – Откуда ты так много знаешь обо мне, граф Загулема?

Грон пожал плечами:

– Я умею задавать вопросы. Ты же знаешь, Горсть, правильно заданный вопрос уже содержится в себе едва ли не половину нужного тебе ответа.

– А где ты берешь вторую половину?

– Я умею убедить отвечать мне.

Горсть усмехнулась:

– Да уж, наслышана... И чего же ты хочешь от меня, онотьер Грон?

Грон молчал. Долго, наверное с минуту, они смотрели друг другу в глаза, сражаясь за то, кто же дольше сумеет не отвести взгляд, но их поединку не дано было завершиться чьей-то победой. Потому что раздался легкий стук в дверь, после чего она сразу же распахнулась, и на пороге появился Шакиф в сопровождении двух помощников, нагруженных плотно уставленными подносами. Быстренько выгрузив все на стол, Шакиф приложил руку к сердцу и мгновенно исчез.

– Прощу, – Горсть Камней широким жестом указала на накрытый стол, – угощайтесь. Повара моей матушки, конечно, не так искусны, как те, к которым, вероятно, уже привык жених нашей дорогой принцессы, однако смею вас заверить, большинство ваших будущих подданных оценили бы то, что стоит на этом столе, как роскошную праздничную трапезу.

– Я тоже, – усмехнулся Грон и, не чинясь, протянул руку и оторвал ножку жирного копченого каплуна.

Похоже, он довольно сильно поразил Горсть Камней своей осведомленностью, и она из всех сил пыталась хоть как-то выровнять исходные позиции.

– Итак, господа, – деликатно выждав минут десять, пока гости насыщались, начала Горсть Камней, – чему же обязана визитом столь высокопоставленных гостей?

Грон отложил кость, которую с аппетитом обглаживал, и, сграбастав кружку, сделал добрый глоток пива (они с Шуршаном решили не изменять начальные предпочтения в области напитков), а затем поставил кружку на стол и воткнул в Горсть спокойный и внимательный взгляд.

– Ну если быть откровенным, то я пришел просить о союзе.

– О союзе? – В голосе Горсти прозвучало неподдельное удивление. – С кем же это?

– С тобой.

Горсть Камней мотнула головой:

– Вот уж никогда не поверю, ваша милость. Такие, как вы, даже не с каждым равным вступят в союз. А мы... нас вы готовы видеть только на виселице. Ну в крайнем случае в кандалах на галерах или рудниках. Но союз... Придумайте что-нибудь поправдоподобнее.

– Ну... в чем-то ты права, – задумчиво произнес Грон, – и, будь я обычным дворянином, а главное, будь у меня обычные враги, все было бы так, как ты и говоришь. Но, вишь ты, в чем завыка-то... и я не являюсь обычным дворянином, и враг у меня такой, которого, как это ни забавно звучит, врагу не пожелаешь.

– И что это у вас за враг такой? – вполне обоснованно поинтересовалась Горсть Камней.

– Твои коллеги в Насии кличут его Соседом...

– Черный барон!.. – ахнула Горсть и тут же откинулась на стуле. Пару мгновений посверлив Грона напряженным взглядом, она решительно мотнула головой. – Ну уж нет, ваша

милость. Я в эти ваши разборки влезать не собираюсь. Вы уж там как-нибудь сами по себе давай, а наше дело – сторона.

– А тебе и не нужно влезать в наши разборки, – усмехнулся Грон. – И знаешь почему?

Горсть Камней молча смотрела на него, но Грону и не требовалось ее ответа. Вопрос был риторическим.

– Потому что ты в них уже влезла. Причем по самые уши.

– Как это? – недоверчиво усмехнулась Горсть Камней. – Что-то я такого не припомню.

Грон снова сгреб со стола кружку и, сделав большой глоток, поставил ее обратно.

– Понимаешь, – начал он, – Черный барон тоже не обычный дворянин. Ему не нужна слава, не нужны земли, не нужны деньги. То есть не совсем так. Ему все это, конечно, нужно, но не само по себе. Все это для него лишь инструменты, которые нужны ему для удовлетворения его самой большой потребности. И эта потребность – власть. Он хочет стать хозяином. Хозяином всего, до чего он только сумеет дотянуться. И сейчас вышло так, что он протянул лапы к Агберу. Поэтому все, кто здесь живет, от коро... вернее, того, кто станет королем, до последнего нищего, уже втянуты в это. Хотят они этого или нет.

Горсть Камней некоторое время смотрела на него, то ли обдумывая его слова, то ли просто присматриваясь к нему, а затем этак делано задумчиво спросила:

– А разве вы, ваша милость, не собираетесь стать мне таким же хозяином? Разве не то же самое вы проделали у себя в Загулеме?

Грон мотнул головой:

– Нет. Два раза нет. Я не собираюсь быть тебе *таким же* хозяином, и я проделал в Загулеме не то же самое.

Горсть Камней продолжала молча смотреть на него. И Грон пояснил:

– Я просто установил свои правила. Их немного, и они просты. Но они есть. И... кто не захотел им подчиниться, закончил так, как закончил.

– Ну и в чем разница?

– А в том, что я не вмешиваюсь, пока соблюдаются эти правила, – продолжил объяснять Грон. – Среди людей всегда будет некоторое число тех, кто хочет напиться, побуянить, снять податливую девчонку, заплатить деньги, чтобы залезть в самое злчное место и оторваться там по полной. И я совершенно не против того, чтобы им дали эту возможность. Потому что пока еще не найдено способа сделать всех людей святыми, да даже если и найден, я не собираюсь этим заниматься. Более того, я совершенно не против того, чтобы такие люди заплатили за эти свои пристрастия... ну, скажем так, чуть больше того, что они планировали. Но именно чуть. И именно такие. А что касается остальных – это мое стадо. Я – его пастух. И поэтому не надо лезть в мой загон. Иначе будет плохо.

– На городской земле не проведены межи, и у людей на ухе не стоит клеймо, – усмехнулась Горсть Камней.

Грон делано удивленно вскинул бровь:

– Ты серьезно хочешь подискутировать со мной по этому поводу?

Горсть Камней рассмеялась:

– Да, пожалуй, нет, ваша милость. Эх вы завернули, мне так нипочем не сказать...

– Пойми, – мягко пояснил Грон, – на земле, на любой земле, в любом городке, провинции, стране может быть только один хозяин. И это правильно, потому что если хозяина нет, а равно как и если хозяев много, ну как бы все, каждый понемножку, то такая земля очень быстро приходит в запустение. Потому что общее – это как бы и ничье вовсе. А ничье – не жалко. И такой хозяин, как я, не *твой* хозяин, а хозяин земли, это есть хорошо и для тебя тоже. Не так ли?

– А он, значит, другой?

– Да, – твердо кивнул Грон, – другой. Оцени нас по делам нашим. Никто не просит тебя верить мне на слово. Да и даже если бы просил, вряд ли бы ты согласилась на это. Но прежде чем ты начнешь искать подтверждение моим словам, я немного расскажу тебе о том, о ком у нас с тобой уже идет речь. Во-первых, ему мало будет той власти, которой вполне удовольствуюсь я. Он захочет тебя всю. Полностью. И не столько для того, что это так уж действительно ему нужно, сколько для того, чтобы, захватив тебя в свою полную власть, как следует потешить себя. Причем знаешь чем? – Грон сделал паузу, заглянул Горсти Камней в глаза и продолжил вроде как невпопад: – Люди получают удовольствие от разных вещей. Некоторые от денег. Ты знаешь таких, сталкивалась с ними. Они считают, что нашли самое важное в этой жизни. А все остальное – заумь, детство или глупость. Другие от выпивки. Кто-то до седых волос все никак не может обуздать свою похоть. Но он, тот, кого называют Черным бароном, получает особенное удовольствие от того, что ломает людей, заставляет их делать то, от чего этого, конкретно этого человека просто с души воротит. Это для него вожаденнее денег, вкуснее вина, сладострастнее оргазма. Так что когда ты станешь узнавать о его поступках, не подходи к ним с обычными мерками. А меряй этой.

Горсть Камней несколько мгновений молча переваривала его слова, а затем горько усмехнулась:

– На свете уже, наверное, не осталось вещей, от которых меня воротит, ваша милость. С этой-то жизнью.

Грон глубоко вздохнул и тихо произнес:

– А если он заставит тебя поймать молодую невинную девчонку, пустить ее... по кругу, а затем, окровавленной и изувеченной, забить ей между ног бутылку и разбить ее там?

Горсть Камней вскочила на ноги. Ее ноздри гневно раздувались, грудь вздымалась, а рот раскрылся, готовый разразиться сумасшедшей тирадой. Этот... он ударил ее по самому больному месту. По тому, что, как ей казалось, уже давно и хорошо сокрыто в глубинах памяти, по тому, с чего когда-то давно, годы и десятилетия назад, начался путь, сделавший из молоденькой, симпатичной и смешливой девчонки нынешнюю грозу воров Агбер-порта. Он не смел напоминать ей об этом! Но Грон не дал ей начать.

– Пойми, – все так же тихо продолжил он, – мне тоже больно говорить тебе это. Я лишь хочу сказать, что каждого из нас есть чем прижечь. И он будет делать это не столько потому, что ему это действительно непременно необходимо. А потому, что он такой... – С этими словами он встал и, коротко поклонившись, вышел из комнаты.

3

– Посматрива-ай!

Грон открыл глаза и замер, прислушиваясь к переключке часовых. Что-то было не так. Что-то, что он спросонья пока не смог идентифицировать, неуловимо изменилось. И это изменение его проснувшееся подсознание уже идентифицировало как опасное.

Великий Поход по Установлению Надлежащего Порядка в Королевстве (именно так – каждое слово с большой буквы) начался неделю назад. Спешно сформированная армия выступила из столицы на север тремя колоннами. Первую, самую многочисленную и двинувшуюся вдоль побережья, возглавил граф Эгерит. Во главе второй, большую часть которой составляли сводные отряды и полки аристократов, примкнувших к принцессе в надежде пожить, шел коннетабль. Третью же, основную часть которой составляли коронные полки, официально возглавляла принцесса. Реально же командующим этой колонны являлся исполняющий обязанности командира королевских латников барон Шамсмели. А также Грон. Поскольку, на счастье, барон оказался не только опытным воином, но и достаточно разумным человеком и еще в самом начале похода улучил момент и проинформировал Грона, что был бы совершенно не против, если, конечно, у господина графа возникнет на то желание, выслушивать советы успешного уже столь прославиться умелым командованием полководца. А возможно, барон преследовал цель установить более тесные личные отношения с будущим принцем-консортом, что, в общем, не вызывало у Грона никакого отторжения. Хотя он в глубине души до конца оставался романтиком, здоровая доля реализма и даже некоторого цинизма у него присутствовала всегда. И к подобным людям он также всегда относился с уважением. Тем более что свою толику романтического отношения к жизни барон Шамсмели уже показал. В тот момент, когда, явно идя на конфликт с вроде как всевластным на тот момент герцогом Аржени, вывел королевских латников для приветствия въезжавшей в город принцессы.

Первую пару дней войска двигались в полном порядке, по несколько раз в день сносаясь между колоннами конными разъездами, затем три дороги разошлись на расстояние от пяти до двадцати миль, и сообщение между колоннами практически прекратилось. Герцог Тосколла действительно показал себя очень хорошим логистиком, потому что и сейчас, уже разойдясь, войска продолжали двигаться в совершеннейшем порядке, своевременно снабжаясь фуражом и припасами из заранее подготовленных войсковых магазинов и сохраняя запасы, которые везли с собой, на период, когда они вступят в пределы враждебных земель. Весь план кампании был рассчитан на три недели. Он предусматривал прямую атаку колонны коннетабля на земли герцогства путем продвижения кратчайшей дорогой и взятия в осаду его столицы. При этом колонна графа Эгерита должна была попутно захватить и привести к покорности союзное герцогам Аржени графство Гамель с последующим соединением с колонной коннетабля у Аржени. Колонна же принцессы, как самая слабая, должна была принудить к покорности земли баронств Эштигаль и Паммервил (по информации королевского совета, поддерживавших мятеж практически номинально, вследствие близкого расположения от герцогства и невозможности в одиночку противостоять столь знатному и сильному вельможе), а затем тоже слиться с остальной армией. Так что, несмотря на то что никто (кроме Грона) не считал, что кампания будет хоть сколь-нибудь сложной, для колонны Мельсиль этот рейд вообще должен был стать легкой прогулкой. Однако ей никто особенно не завидовал. Ибо чем большее сопротивление ожидается, тем больше оснований для последующего грабежа. На что большинство примкнувших к принцессе весьма рассчитывали. Да и сами баронства были слишком захудалыми, чтобы представлять для сего действа хоть сколько-нибудь значимый интерес. Только если на безрыбье... Но именно на этот раз «рыбалка» ожидалась более чем знатная...

Грон, однако, отнесся к ожиданиям королевского совета, составившего подобную диспозицию, довольно скептически. Он не сомневался, что насинцы обязательно вмешаются в предстоящую кампанию. Надо только было вычислить где и как. Самое быстрое непосредственное вмешательство было возможно только через Загулем. Более нигде Агбер с Насией общих границ не имел. Однако Грон сильно сомневался, что насинцы рискнут избрать подобный маршрут. Даже без полков, отправленных в Загулем на усиление, его омота, с учетом городского ополчения, способна была в одиночку удержать город против осады любой возможной армии, которую был способен выставить король Насии. А чтобы обойти Загулем и двинуться дальше, оставив его в тылу наступающей армии, надо быть полным идиотом, каковых, к сожалению, в ближайшем окружении короля Насии не водилось.

С Кагдерией, отделявшей Агбер от Насии на всем остальном протяжении границ, у насинцев и так уже шестой год шла война, в настоящий момент пребывающая в вялотекущей фазе. Насинцам удалось захватить два приграничных графства и вторгнуться еще в три, но на этом их продвижение остановилось. Потому что три эти графства являлись ареалом обитания довольно воинственной и известной во всех шести королевствах народности шейкарцев, которые и в Кагдерию-то входили во многом номинально. У них с тамошним царствующим домом вообще были очень запутанные отношения. Так, существенную часть годового бюджета всех трех графств составляли прямые перечисления из казны короля Кагдерии. При дворе короля считалось, что престол ежегодно перераспределяет полученные доходы в целях помощи наиболее бедным жителям королевства, а шейкарцы считали, что престол Кагдерии платит им дань за то, что они не грабят проезжающие через их горы караваны. Так что войска насинцев, дойдя до гор, завязли в сотнях мелких полупартизанских схваток, подобно тому как завязли в испанских горах войска Наполеона. Вроде бы насинцы контролировали все основные перевалы и существенную часть региональных центров трех графств, а в одном даже и его столицу, но ни один их обоз не был способен добраться до места назначения без существенных потерь. Единственным вариантом вмешательства насинцев в дела Агбера оставалась только переброска войск к месту боевых действий через дружественные порты. А это означало, что у герцога Аржени могут появиться силы для выделения достаточно мощной маневренной группировки. И он, Грон, в таком случае попытался бы разгромить наступающую на герцогство группировку по частям, начав с наиболее уязвимой.

Колонна принцессы в данном случае являлась едва ли не самым лакомым объектом нападения. Во-первых, вследствие своей относительной малочисленности она должна представляться герцогу наиболее уязвимой, и, во-вторых, вполне возможный вследствие ожидаемого разгрома захват или даже гибель принцессы переводили всю ситуацию с мятежом в совершенно другую плоскость. Гибель последней представительницы правящей династии Агбера выдвигала на первый план задачу избрания новой династии, а это порождало такие расклады, в которых герцоги Аржени значились бы уже не мятежниками, но как минимум влиятельными союзниками, а то и претендентами на престол. Так что Грон ожидал неременной атаки на колонну принцессы. И потому, воспользовавшись предложением барона Шамсмели, сразу же после разрыва регулярной связи активно включился в текущее командование колонной.

Они с Мельсиль в походе ночевали в разных палатках, которые, правда, упорно ставили рядом друг с другом. Результатом этого стало то, что на шестой день похода, когда они уже двигались по землям баронства Эштигаль, Мельсиль улучила момент и заявила к нему в палатку. А утром пришлось просить постельничего, занимающегося снабжением и тыловым обеспечением, заменить изгрызенную принцессой подушку, что, впрочем, с ее стороны было вполне разумным поступком. Не хватало им еще перебудить половину лагеря ее криками и стонами... Но сегодня он, слава Владетелю, спал один. Так что едва только Грон понял, что происходит что-то опасное, его руки уже на автомате подхватили сапоги и перевязь с ангилом. Времени на то, чтобы надеть доспехи, судя по всему, уже не оставалось.

Натянув сапоги, Грон выскользнул из палатки и жестом подозвал встрепенувшегося часового:

– Быстро дежурного офицера ко мне!

Тот было суетливо дернулся, приторможенный выработанной долгими годами гарнизонной и дворцовой службы привычкой к непременному пребыванию на посту до прибытия смены с разводящим. Но дежурный офицер находился тут же, в пяти шагах, уютно задремав у почти погасшего костра, а тот, кого часовому надлежало охранять, вообще стоял полностью одетым, да еще и отдавал ему приказ. Поэтому часовой метнулся к костру и легким прикосновением к плечу разбудил дежурного офицера.

– Передайте приказ стрелкам без шума подняться и сосредоточиться у кольца охраны принцессы, – приказал Грон дежурному офицеру, натягивая перчатки. – А затем поднимайте офицеров и прикажите дежурным по полкам поднимать своих людей.

Дежурный офицер несколько недоуменно воззрился на Грона. Насколько он помнил, никто не вменял ему в обязанность подчиняться графу Загулема, не занимавшему в армии никаких официальных постов, кроме весьма расплывчатого «при принцессе». Но за прошедшее время он не раз успел убедиться в том, что не только принцесса, но и реальный командующий колонной барон Шамсмели всегда был исключительно предупредителен с графом Загулема. Да и сам граф в среде военных пользовался достаточно широкой известностью. И даже взял на себя труд активно обучать часть войск колонны, а именно – стрелков, хотя его выбор и вызывал у офицера некоторое недоумение. Поэтому офицер счел за лучшее не углубляться в хитросплетения порядка подчиненности, а сколь возможно быстро и расторопно исполнить приказ. Что лишь прибавило ему очков в ведущемся Гроном негласном рейтинге офицеров королевских полков.

Так что когда очередной крик часового: «Посмотри-и-ихх...» – завершился коротким всхрипом, большая часть лагеря уже была на ногах.

Поэтому когда со стороны берега расположенной в сотне шагов реки раздался громкий слитный рев:

– Насия и Аржени! – ответом ему стали не испуганные и панические крики ошеломленных внезапным ночным нападением людей, а свистки и команды сержантов:

– Пикинеры – в линию! Рейтары – в седла!..

Грон успел построить разбуженных первыми стрелков в три шеренги, развернув их как раз в направлении реки и брода через нее. Он уже успел понять, что же воздействовало на его подсознание. Это оказались совершенно неурочные в эту глухую ночную пору крики уток, заполнявших прибрежные камыши. Так что и с наиболее вероятным направлением возможного нападения он уже успел определиться. Единственное, что слегка напрягало, так это то, что стрелять предстояло почти вслепую, да еще поверх голов собственных бойцов. Впрочем, сразу после окончательного разделения колонн Грон ввел в практику ежевечерние двухчасовые занятия, призванные даже не столько внедрить в частях, составлявших эту колонну, его собственные тактические наработки, сколько закрепить и отточить уже имеющиеся у солдат коронных полков навыки и умения. Столь большую массу войск переучивать в одиночку было бессмысленно, но вот понять и дополнительно отработать то, что войска могли показать при внезапном нападении врага, стоило по-любому. Единственным новшеством, которое Грон себе позволил, было сведение крайне немногочисленных стрелковых команд всех полков в одно подразделение и переподчинение его себе лично. Тем более что никто из командиров на это особенных возражений не высказал. Стрелки в этом мире отчего-то считались второстепенным видом войск, к тому же более-менее эффективным только при защите крепостей, а на поле боя не слишком полезным. Так что к данной инициативе Грона все командиры отнеслись довольно равнодушно, мол, баба с возу – кобыле легче. А Грон получил в свое распоряжение почти две сотни арбалетчиков, каковым назначил еще по полтора дополнительных часа еже-

вечерних занятий, которые проводил лично. И вот сейчас предстояло выяснить, чего он успел добиться за время этих занятий.

Нападающие ударили дружно. От реки послышался накатывающий и различимый даже за воинственным кличем дробный грохот копыт. Грон вскинул руку, вглядываясь в мелькающие на фоне поблескивающей воды тени, а затем коротко бросил:

– На два пальца выше шлемов, целься! – И сразу же: – Залп!

Две сотни арбалетных тетив гулко вспороли воздух слитной нотой, сразу же продолжившейся криками людей, ржанием лошадей и грохотом падающих на землю всадников. А Грона по наитию озарил еще один ход, способный усилить смятение накатывающей волны атакующих.

– У костров, – заорал он, – головнями по наступающим!

Спустя пару мгновений первые головни полетели в слегка смешавшиеся ряды нападающих.

– Заряжа-а-ай! – протяжно выкрикнул Грон, довольно хмыкнув про себя.

Первая, самая опасная волна нападающих потеряла темп, замедлилась и ударила в уже успевшие выровняться шеренги пикинеров, а не в суматошно мечущуюся толпу испуганных людей. Все, внезапную ночную схватку уже можно было считать практически выигранной. Теперь вопрос шел только о том, с каким счетом...

Счет оказался неплохим. Утром, обходя вместе с бароном Шамсмели заваленные трупами арженцев границы лагеря, Грон навскидку подсчитал, что здесь враг потерял едва ли не половину всех своих наличных сил. Причем, к его удивлению, насинцев среди погибших практически не было. Ему доложили о шестерых погибших, одетых в насинскую форму, и все они оказались офицерами. А вот людей, близких герцогу Аржени, среди погибших и захваченных пленных было довольно много. Среди погибших опознали даже коннетабля герцога, возглавившего ту самую первую конную атаку, во время которой арженцы положили практически всю свою конницу. Поэтому когда, уже на рассвете, арженцы начали откатываться назад, остановить рейтаров, ударивших им в спину, им оказалось нечем. Именно этим и объяснялись и столь большие потери, и сотни пленных, которых удалось захватить. И хотя при Гроне сейчас не было таких мастеров допроса, какими в короткое время сумели стать Брован или Шуршан, он рассчитывал и со своими скромными умениями получить от пленных немало ценной информации.

Впрочем, кое-что ему стало ясно уже теперь. Похоже, Аржени не успел получить достаточной помощи от насинцев, но, рассчитывая на нее, рискнул сделать ход ва-банк, отправив большинство своих самых боеспособных и наиболее мобильных войск для решительного и все решающего удара. Видимо, он разделял заблуждение большинства членов королевского совета, считавших колонну принцессы наиболее слабой частью всего объединенного войска, с чем Грон был совершенно не согласен. Да, числом они сильно уступали двум другим колоннам, но зато их колонна была составлена из закаленных в боях регулярных коронных полков, привыкших к взаимодействию друг с другом и знавших, на что способны соседи и насколько подготовлены и умелы их командиры. Так что скорее стоило бы считать колонну принцессы наиболее подготовленной частью соединенных сил. Что и доказала ночная схватка. Впрочем, у нее был и еще один полезный для Грона результат. К утру всем в лагере стало известно, по чьему приказу войска были подняты столь вовремя. Поэтому, когда Грон шел через лагерь, все встретившиеся ему по пути солдаты и сержанты и даже большая часть офицеров охотно и прямо-таки молодежато наперебой приветствовали его. Что ж, это лишь в очередной раз подтвердило давно известную истину, что войска любят умелых и удачливых командиров. А Грону эта схватка принесла то, что он окончательно утвердился не только в солдатском перечне умелых и удачливых полководцев, но теперь признавался таковым и в королевской армии. Что сулило немалые дивиденды в будущем.

Следующая неделя прошла относительно спокойно. Оба баронства действительно лишь номинально числились в стане герцога Аржени, поэтому едва только к столичным городам баронств приблизилась королевская армия, как оба барона с немалым облегчением и даже воодушевлением снова подтвердили свою вассальную зависимость от короны Агбера и выплатили всю положенную по такому случаю контрибуцию. Контрибуция, впрочем, оказалась довольно скудной и по большей части состояла из фуража и провизии. Но принцесса и не собиралась разорять собственные земли, так что полки двинулись дальше в том же порядке, лишь заметно усилив походные и сторожевые заставы. Поскольку войска принцессы уже вступили на землю враждебного герцогства Аржени.

Первые неприятные известия принес гонец, нагнавший их на первом бивуаке в землях Аржени. Как выяснилось, предположения Грона полностью оправдались. Насинцы высадили войска в порту Гамеля и сумели с гораздо большей степенью неожиданности повторить ночное нападение, но уже на колонну графа Эгерита. Посему их нападение было куда успешнее. Колонна графа была совершенно расстроена. Существенная часть ее, состоявшая из сводных полков, набранных аристократами, была рассеяна, а та часть, которую составляли полки регулярной армии, изрядно потрепана. К тому же колонна не выполнила свою задачу, состоявшую в том, чтобы привести к покорности графство Гамель, поэтому сосредоточившиеся там насинцы составили серьезную угрозу правому флангу группировки герцога Тосколла, который вследствие этого вынужден был серьезно сбавить темпы продвижения и выделить заметное количество войск для обеспечения безопасности своего фланга. Если бы арженцам удалось разгромить и колонну принцессы, на этом весь план по установлению порядка в герцогстве Аржени можно было бы считать похороненным. Но и так стройный план коннетабля, столь впечатляюще выглядевший во время его доклада королевскому совету, накрылся медным тазом, потому что из трех колонн к назначенной точке randevu – столице герцогства – успевала лишь колонна принцессы. Но вот что ей там было делать одной-то, да еще и самой малочисленной?

Вечером в палатке принцессы собрался военный совет.

– Итак, господа, – начала Мельсиль, – как вы уже знаете, обстановка полностью изменилась, и я собрала вас для того, чтобы решить, что мы можем предпринять в этих изменившихся условиях. – Когда принцесса произносила вторую половину фразы, ее глаза были устремлены на Грона.

Однако он молчал. Некоторое время в палатке висела настороженная тишина, но затем барон Шамсмели, вспомнив о том, что является вроде как настоящим командующим этой группировки, взял обсуждение в свои руки:

– Итак, я прошу высказаться господ командиров полков...

Спустя полтора часа выяснилось, что наиболее разумным большинство присутствующих считает немедленно выдвигаться на соединение с главными силами, каковыми в настоящий момент, после разгрома колонны графа Эгерита, являлась группировка, возглавляемая коннетаблем. И бурное поначалу обсуждение мало-помалу начало затихать. Оно бы уже совсем прекратилось, но после ночного боя никто из присутствующих не мог себе позволить завершить его, не узнав мнения одного из главных виновников победы не только столь славной, но той, которая на данный момент оказалась единственной на все войска, наступавшие на герцогство Аржени. Поэтому взгляды всех постепенно скрестились на молчавшем Гроне. И когда это произошло, он заговорил:

– Прошу простить меня, господа, но я хотел бы попросить всех вспомнить, что является целью нынешней военной кампании.

Сидевшие за столом офицеры обменялись недоуменными взглядами.

– Но это же понятно, – спустя некоторое время не выдержал один из присутствующих. – Приведение к покорности короне герцогства Аржени.

– А что здесь все это время обсуждалось? – слегка сыграв недоумение, спросил Грон.

Офицеры смущенно переглянулись.

– Но... – вновь вступил все тот же офицер, – мы же являемся лишь частью армии, собранной для решения этой задачи, и общее руководство всеми силами осуществляет его высокопревосходительство герцог...

– Да, частью, – перебив его, согласился с ним Грон, а затем продолжил уже в другом ключе: – Но – единственной победоносной частью, но – единственной частью, за фланги которой нет никакой необходимости опасаться, но – той частью, между которой и логовом мятежников, скорее всего, нет сейчас совершенно никаких войск. Именно потому, что, несмотря на сотворенный именно нами разгром, они продолжают считать нас наиболее слабой частью объединенной армии, неспособной действовать самостоятельно. Разве это не дает нам оснований хотя бы *подумать* о том, что в сложившихся обстоятельствах мы сможем предпринять, чтобы выполнить главную цель всей этой кампании? А не сидеть и обсуждать, как выпутаться из неприятностей, которые устроил *не нам* оказавшийся столь умелым и инициативным противник.

Следующим утром войска, составлявшие колонну принцессы, скорым маршем двинулись в сторону столицы мятежного герцогства.

Насиг, стражник городской стражи славного и богатого города Аржени, стоял на своем посту, опираясь на длинную алебарду. Время было военное, поэтому поверх обычного двупетного камзола он надел слегка ржавую кирасу, а на поясе у него болтались ножны с широким ножом-тесаком. В принципе и кираса, и тесак, с точки зрения Насига, были совершеннейшим излишеством. Ну где та война и где Аржени? Конному гонцу скакать и скакать. Да и даже если бы враг был где-то недалеко... Эвон сколько народу на стены нагнали. И хоть у большей части шлем на ушах висит либо едва-едва на макушке удерживается, а выданное копье они держат будто оглоблю, все одно именно им становиться под королевские мечи и стрелы. А страже предстоит, как и ранее, наводить и охранять порядок на улицах города. Да и регулярной солдатни нагнали тоже немало. А от наемничьих колетов так вообще в глазах пестрит. Ну и зачем, спрашивается, достойному господину стражнику эту тяжесть на себе таскать? Но он служил уже не первый год и прекрасно знал, что отцы-командиры устроены таким образом, что их хлебом не корми, а только дай возможность хоть как-то усложнить жизнь рядовому брату стражнику. Поэтому всю эту дурь воспринимал со стоическим терпением старого служаки. Вот только появление в составе формы этой железяки предоставило этой гнуси капралу лишний повод для придинок. Уже который день нудит, заставляя очистить эту бесполезную вещь от ржавчины. А зачем? Ведь понятно же, что скоро все закончится, к славе их хозяина и господина герцога Аржени. Вон насинцы, коих господин, да продлит Владетель его дни, сумел так ловко привлечь на свою сторону, уже наголову разбили одну из колонн этой шлюхи-потаскушки, вздумавшей обмануть священное право герцогов Аржени и затеявшей любовную интрижку с каким-то наемничком-онотьером. Так что, даст Владетель, через пару дней и совсем снимем эту никчемную вещь, каковая будет сдана обратно в арсенал его высокопревосходительства господина герцога. Ну и к чему ее чистить? Чтобы она там продолжала ржаветь так же, как ржавела до того, как ее навьючили на Насига? Так она и так будет отлично это делать без всяких дополнительных усилий с его стороны.

Насиг вздохнул. Он был уже достаточно пожившим и много повидавшим, чтобы не понимать, что все эти аргументы так навсегда и останутся только лишь у него в голове, не имея ни малейшего шанса быть озвученными. Ибо попытка их озвучить только лишь приведет эту сволочь капрала в совершеннейшее бешенство. А закончится все тем, что эта падла капрал не только заставит его отчистить эту кирасу до зеркального блеска, но и подкинёт ему с десятков еще более ржавых кирас, которые сейчас валялись в каптерке, так как не подошли никому по размеру. А может, вдобавок к этому даже заставит драить нужник. Насиг вздохнул. Ну почему жизнь устроена так несправедливо? Всякие надоедливые гады выбиваются в капралы, а он,

вполне себе спокойный и по-житейски мудрый стражник, исправно тянувший свою лямку уже шестой год, все еще никак не заслужил перевязь старшего стражника. И даже не в лишнем медяке, положенном старшему стражнику, дело. Хотя деньги, они, конечно, деньги и никогда и никому лишними не бывают. Но для Насига куда важнее почет и уважение. Ведь старший стражник – это уже о-го-го, не просто тебе обычный городской стражник, а лицо уважаемое и степенное. Да будь у него эта перевязь, та дородная вдовушка, что в порту держит на паях с бывшей свекровью трактир под названием «Якорная цепь», уже не осмелилась бы поднимать его на смех каждый раз, едва он переступал порог ее заведения. А вдовушка была хороша...

Насиг от удовольствия зажмурил глаза. Ох как бы он повалился с ней на ее мягких перинах! В том, что на ее кровати непременно были мягкие перины, Насиг ни секунды не сомневался. Ну не может такое роскошное тело почивать на каком-нибудь тощем соломенном тюфяке. Это было противно всем законам природы и Владетеля! И ведь заветная перевязь уже была практически у него в кармане. Надо же было в тот раз так некстати появиться все тому же подлюке капралу!.. Он и всего-то лишь разрешил паре припозднившихся купцов войти в город через узкую калитку в стене, предназначенную для того, чтобы патруль стражников один раз за ночь обходил подножие городской стены. Ну и что, что согласно уставу проход в город прекращался с момента закрытия городских ворот на закате и вновь начинался только после их открытия с восходом солнца? Ну кому от такой малости было бы плохо? Так ведь нет, заявился, наорал, опозорил его перед купцами, выгнал их взащей, да еще и доложил лейтенанту. И серебряный, за который Насиг тогда согласился пропустить купцов, пришлось вернуть, да еще и два месяца после этого получать только половину жалованья. Эх, так бы и дал этой суке капралу алебардой по шлему...

В этот момент Насигу пришлось отвлечься от горестных мыслей, поскольку в калитку, занимавшую нижнюю треть городских ворот, на карауле возле которой он как раз и стоял, кто-то постучал снаружи.

– Ну кто там еще? – недовольно буркнул Насиг.

Он больше не собирался повторять прежней ошибки и запускать в город кого бы то ни было в неурочное время. Но время было военное, и потому в калитку вполне мог стучаться какой-нибудь гонец со срочным донесением к герцогу.

– Господин стражник, – послышался снаружи жалобный девичий голосок, – не могли бы вы открыть нам с братом калитку? Мы беженцы от армии этой проклятой принцессы и совершенно измучены долгой дорогой.

– Не положено! – строго рявкнул Насиг.

– Ну пожалуйста, господин стражник, будьте милосердны. Мой брат ранен и потерял много крови. Нам необходимо как можно быстрее добраться до врача. Мы даже готовы заплатить вам, сколько вы скажете, только лишь бы побыстрее войти в город.

– Я сказал – не положено, – уже тоном ниже пробурчал Насиг, а затем, спустя минуту, прикинув к узкому зарешеченному окошку, через которое и доносился этот голос, не удержался и заинтересованно спросил: – А сколько заплатите?

– Мы, – голос девушки стал явно обрадованным, – мы готовы заплатить толар. Только пустите.

– Тола-а-ар, – зачарованно протянул Насиг.

Да это ж... этот толар не только бы полностью компенсировал все его потери от снижения жалованья, но еще позволил бы ему купить какой-нибудь подарок той самой вдовушке. Он быстро отошел назад и осторожно выглянул из проема ворот. Снаружи было тихо. В узком окошке караулки тускло горел огонек свечи. Насиг поспешно вернулся и, вытащив из ниши в стене свечную лампу, торопливо защелкал кресалом. Спустя минуту он зажег свечу и, воздев лампу над головой, прикинул к решетке маленького окошка калитки, сквозь которое в зыбком свете лампы были видны силуэты двух человек – девушки в платье и с покрытой платком

головой и юноши, на боку которого белела повязка с темным пятном, наверное запекшейся кровью. В неверном свете свечной лампы трудно было разглядеть точно.

– А ну покажи толар! – потребовал он. Если эти двое вздумали его надуть, поманив золотом, а на самом деле у них нет ни гроша, то не на того напали.

– Вот, пожалуйста. – Девушка выудила откуда-то из складок платья кошель и, торопливо развязав его, вынула оттуда одну монету, которую положила на ладонь и поднесла к окошку.

Это действительно был золотой толар. Но Насиг окинул его взглядом только мельком. Его взгляд как магнит притягивал кошель. Насиг лихорадочно облизал мгновенно пересохшие губы и, сам удивляясь собственной наглости, хрипло произнес:

– За один толар не пущу!

– Не надо было показывать ему кошель, Мельсиль, – тихо произнес стоящий рядом с ней юноша с повязкой.

И Насиг сразу же проникся к нему неприязнью. Вот еще выискался гаденыш. Стой смиренно и молчи, а то вообще... это... ну в общем... произнести даже мысленно фразу, означавшую, что он не получит золота, Насиг так и не смог.

– А сколько вы хотите?

– Три! – поспешно выпалил Насиг, настороженно пялясь в сторону юноши. А ну как тот возмутится?

Но юноша стоял молча. А девушка тоже как-то не торопилась с ответом, разглядывая стражника через частую решетку калитки.

– Хорошо, – наконец произнесла она, когда Насиг уже стал клясть себя за непомерную жадность.

Так недолго и вообще золота лишиться. А он уже совсем привык к мысли о том, что является обладателем нескольких толаров. Так что даже мысль о том, что этого по каким-то причинам может не произойти, доставляла ему почти физическую боль.

– Давай сюда.

– Нет, – мотнула головой девушка. – Вот, – она залезла в кошель и, вытащив оттуда еще два толара, зажала их в руке, – я держу их в ладони. Как только вы откроете калитку и пропустите внутрь меня и моего брата, вы тут же получите их.

Насиг зло скрипнул зубами. Вот ведь сука... а ведь корчила из себя благородную. Каждое мгновение разлуки Насига с его собственным золотом заставляло стражника невыносимо страдать. Поэтому он торопливо открыл заслонку лампы, задул свечу (не дай Владетель, еще нагрянет этот козлина капрал, привлеченный неурочным светом) и осторожно, стараясь, чтобы тот загрохотал не слишком уж громко, отодвинул массивный засов. Эх, насколько бы все было проще, если бы он стоял на своем прежнем посту, у калитки стражи, там до караулки было целых три пролета стены... но, с другой стороны, эти двое вполне могли и не знать о той калитке и потому не появиться возле нее...

Первым внутрь проник юноша, а вслед за ним в проеме калитки возникла еще одна неясная фигура.

– Быстрее, – проворчал Насиг, не обратив внимания на то, что возникшая в проеме фигура вроде как едва ли не вдвое крупнее того силуэта, который он разглядел через окошко калитки. – И деньги сюда давай...

– На... – глухо отозвалась фигура, и в следующее мгновение Насиг начал заваливаться на спину, хрипя и брызгая кровью из перерезанного горла, в очередной раз подтвердив избитую истину, что воинские уставы испокон веку пишутся кровью, а алчность всегда доводит до беды.

– Вы оказались правы, граф, – прошептала фигура, осторожно опуская обмякшее тело стражника на булыжник, – это было действительно просто. Как вы там говорили – ворота крепости, которую не смогла взять самая сильная армия, легко откроет осел, груженный золотом?

– На этот раз осел охранял сами ворота, – отозвался проникший первым через калитку юноша. – Но в моем краю есть еще одна пословица, барон: не говори гоп, пока не перепрыгнешь. – Он чуть сдвинулся вбок, пропуская фигуры, молча и чуть погромыхая железом протискивавшиеся через калитку и тут же исчезающие с противоположной стороны арки ворот. – Нам еще нужно обезвредить остальную стражу, открыть ворота и... захватить этот проклятый Владетелем город. Вот когда сделаем это, тогда и будем считаться, кто и сколько раз оказался прав, а сейчас... Мельсиль!

– Да, Грон?

– Я думаю, для тебя на сегодня развлечений достаточно. Поэтому разреши латникам барона проводить тебя обратно в наш лагерь и позволь нам заняться делом, не отвлекаясь ежеминутно на то, чтобы проверить, все ли с тобой в порядке.

В ответ раздался тихий женский смех, а затем голос, в котором прозвучали шаловливые нотки, произнес:

– Ох, милый, даже не понимаю, почему тебе всегда удается меня уговорить...

4

– Чрезвычайно рад видеть вас не только целой и невредимой, но и в этом зале, ваше высочество. – Граф Эгерит отвесил принцессе учтивый поклон и заскользил глазами по короткой шеренге людей, стоявших подле Мельсиль.

Не обнаружив искомого, он слегка помрачнел, зыркнул по сторонам, и почти сразу его лицо снова посветлело. Тот, кого он искал, стоял чуть поотдаля, у окна, слегка привалившись к стене и сложив руки на груди. В таком огромном зале, каковой герцоги Аржени умудрились отгрохать в своем дворце, немудрено было его и не заметить.

– И я рада, что вы, граф, вместе с вашими войсками с успехом достигли цели нашей кампании, – весьма дипломатично отозвалась принцесса.

Ибо слова «достигли цели» в более грубой, но куда как более точной интерпретации означали лишь нечто вроде «наконец-то добрались», да еще с добавкой «хотя и не в полном составе». Впрочем, на фоне герцога Тосколла граф Эгерит выглядел гораздо лучше. У того от всей колонны осталась лишь горстка его собственных рыцарей и всего один сводный полк пехоты, за которым уже закрепилось насмешливое наименование «сбродный». Насинцы в очередной раз показали себя отличными воинами, сумев не только серьезно потрепать колонну графа, но и практически наголову разгромить войска коннетабля. Причем большая часть колонны коннетабля не просто разбежалась, а была пленена и уничтожена. Да и оставшихся пришлось долго приводить в порядок, в том числе с помощью магов-жемчужников, каковых в распоряжении престола Агбера, как выяснилось, было до обидного мало. Представления Грона о том, что уж у престола-то с этим проблем нет и в каждом полку должен быть свой жемчужник, как выяснилось, были страшно далеки от реальности... В общем, если бы не смелый рейд отряда принцессы, дерзко и неожиданно захватившего Аржени, на истории королевства Агбер можно было поставить крест. Ну или как минимум на истории ее нынешней королевской династии...

Аржени они взяли на удивление легко. Стража у ворот сопротивления практически не оказала, только какой-то упрямый капрал все пытался, отмахиваясь тесаком, громкими воплями поднять хоть кого-то поблизости. Но его усилия не увенчались успехом. Караулка была сложена из камней, оставшихся от кладки стен, поскольку она, вероятно, в случае осады должна была служить источником материала для заделывания брешей, поэтому снаружи его голос был слышен едва лишь на десяток шагов. Так что когда капрала наконец успокоили (Грон оценил его мужество и, отодвинув всех, сам обезоружил и захватил капрала), город продолжал мирно посапывать в две дырочки.

Быстро допросив захваченных стражников, Грон приказал десятку своих солдат переодеться в их форму, а затем, отобрав еще пару человек половчее, велел намотать на них троих веревки, но так, чтобы их можно было быстро сбросить. Ворота в верхний город на ночь не запирались, а вот вход в герцогский замок, вероятнее всего, закрыт. А им надо было прорваться туда как можно скорее. Согласно кодексу наемника онота обязана защищать город, пока над центральной башней городской цитадели, в качестве которой чаще всего выступал замок местного суверена, не взовется флаг неприятеля. После этого наемники имели полное право сложить оружие. А поскольку по информации, полученной от пленных стражников, почти половину гарнизона составляли именно наемники (ну а как еще герцог мог компенсировать чудовищные потери собственных войск после неудачного ночного нападения на их колонну), было весьма соблазнительно одним махом вывести из дела именно эту едва ли не наиболее боеспособную половину гарнизона.

– Да уж, – удивленно покачал головой барон Шамсмели, когда Грон изложил ему эти соображения, – вы в очередной раз удивляете меня, граф. Я еще не встречался с такой спо-

способностью учитывать все, даже совершенно неожиданные нюансы. Я и мои офицеры вполне бы удовлетворились тем, что нам удалось ворваться в ворота, и сразу бы ударили в мечи, а вы... – И он восхищенно встопорщил усы.

А Грон усмехнулся про себя. Хотя на протяжении своей последней по счету жизни он большую часть времени играл, так сказать, за полководца, способность оценивать ситуацию с позиций спецназовца он уже, вероятно, не утратит никогда. А спецназ всегда ищет любые возможности сделать дело быстро и тихо. Это аксиома. Это только в боевиках, дешевых или не очень, крутые парни из спецназа поливают врагов с двух рук из шестиствольных пулеметов и самодельными минами, сляпанными на коленке из куска пластита, лимонки и граненого стакана, сносят доты и разносят на куски танковые роты. В реальности если спецназ начал стрелять – он уже за скобками. И ладно если это произошло при отходе, а если группу обнаружили еще при выдвижении к объекту атаки? Это вообще провал, невыполнение задачи. Поэтому идеальная операция, с точки зрения спецназа, – это тихо прийти, тихо сделать все, что необходимо, и так же тихо уйти. В крайнем случае – при отходе устроить нечто, что заставит противника искать группу совсем не там, куда он будет улепетывать...

Стражу у ворот верхнего города они сняли столь же легко и быстро. Причем на этот раз не пришлось даже торговаться. Ворота и так были открыты, а переодетые стражниками солдаты держали факелы так, что их лица невозможно было разглядеть. Так что, когда они приблизились к воротам верхнего города, стоявший на страже стражник ничего не заподозрил, только заинтересованно вытянул шею:

– Кого это ведете?

Но шедший впереди сержант королевских латников, одетый в форму с нашивками капрала, продолжал молча идти вперед. И лишь когда ему до стражника осталась всего пара шагов, тот забеспокоился:

– Игас, ты, что ли? Хм, ты же не должен сегодня быть в кар... – Закончить фразу он не успел.

А вот у ворот замка им пришлось поволноваться. Во-первых, как выяснилось, замковая стража никоим образом не подчинялась городской и даже, наоборот, считала себя по отношению к городской людьми стоящими куда как выше. Даже простой стражник разговаривал с капралом, возглавлявшим охрану важных пленных, присланных из лагеря самого герцога (того, к досаде всех, в городе не оказалось) для размещения в подземных казематах замка, так сказать, через губу. Он долго отказывался открыть ворота и даже вызвать своего начальника, заявляя, что не собирается открывать ворота до утра и что эти пленники вполне могут до того времени посидеть в подвале городской караулки. И только сообщение о том, что гонец, привезший такое распоряжение герцога, еще не отбыл обратно и лейтенант городской стражи, возглавляющий ночные караулы, не преминет отписать герцогу, как замковая стража исполняет его распоряжения, сдвинуло эту скалу с мертвой точки.

Но и потом все развивалось очень зыбко. Прибывший к воротам капрал замковой стражи повел себя еще более высокомерно, заявив, что не допустит, чтобы «эти придурки из городской стражи» сделали хоть шаг по мощеному двору замка. Сначала он затребовал письменный приказ герцога. Впрочем, Грон, уже понявший, как будут развиваться события, успел за то время, пока замковый стражник ходил за своим капралом, проинструктировать сержанта, игравшего роль капрала. Поэтому тот, сыграв раздражение, заявил, что приказ находится у лейтенанта и тот передаст его также только лейтенанту, и, если капрал на том настаивает, пусть идет и будит своего лейтенанта. На что в этот час мог согласиться только полный идиот. Поэтому капрал сдался и, зло скривившись, велел им протолкнуть пленников через калитку, а самим убираться восвояси. Так что изначально внутрь замка попали только Грон и еще двое солдат, изображавшие пленников.

К счастью, высокомерие замковых стражников распространилось и на то, что они решили обойтись для конвоирования вроде как связанных пленников всего парой стражников. Против Грона и еще двоих солдат оказалось вместе с замковым капралом лишь четверо противников. Причем абсолютно уверенных в своем полном контроле над ситуацией. Да еще дело должно было произойти в почти полном мраке арки... Спустя всего несколько мгновений после того, как мнимые пленные преодолели узкую калитку, в темноте послышалась возня, всхрипы, затем чей-то голос испуганно вскрикнул:

– Великий Владе... – после чего все затихло.

А затем тяжелый засов калитки со скрежетом отодвинулся, и в тишине послышался приглушенный шепот Грона:

– Заходите сюда, быстро...

За следующий час город был очищен от ночных патрулей и обезврежены часовые на башнях замка. И хотя не все патрули удалось обезвредить тихо, шум ночных схваток потревожил не очень многих. В конце концов, по представлениям мирного обывателя, зачем еще нужны патрули, как не для того, чтобы ловить воров и грабителей, как раз ночью и выползающих на свой грязный промысел. Так что спите спокойно, добропорядочные жители Аржени, и не обращайтесь внимания на шум. Это ночные патрули делают свое дело... А когда в город, грохоча подкованными сапогами, начали входить королевские полки, на донжоне замка уже развевались флаги королевства и личный штандарт королевского дома, означающий, что в замке находится особа, к нему принадлежащая...

– Должен сказать, ваше высочество, что в этом не так уж много моей заслуги. Блестательно проведенный вами захват Аржени привел наших врагов в столь сильное замешательство, что мне удалось осуществить марш без особых затруднений, – воодушевленно отозвался граф Эгерит.

Не обнаружив Грона вблизи от принцессы, он уже было забеспокоился по поводу того, что произошли некие неведомые ему изменения, которые сулят неизвестно какие неприятности, но, увидев его у окна, успокоился. Этот молодой человек всегда отличался некоторым своеобразием, так что, на взгляд графа, все было в пределах допустимого...

Захват Аржени действительно изрядно ошеломил насинцев. Тем более что известие о нем достигло их ушей как раз в тот момент, когда они уже почитали кампанию выигранной. То есть как раз тогда, когда только что завершился полный разгром колонны герцога Тосколла. И новость возымела эффект, подобный ушату ледяной воды. Ну еще бы... вот только что всем в Агбере становилось ясно, что принцесса Мельсиль отныне вышла в тираж, а герцог Аржени, наоборот, является едва ли не самым вероятным претендентом на трон. Ну судите сами – большая часть армии принцессы разгромлена, остатки разделены на две неравные части, отдельные полки, отправленные для охраны границ или оставшиеся в качестве оккупационного гарнизона в столице Геноба (куда был откомандирован барон Экарт), можно не принимать во внимание, потому что убирать их из тех мест, куда они отправлены, чревато проблемами в этих самых местах. Да и собирать их некому. Все более-менее авторитетные полководцы, которым принцесса могла доверять, сильно облажались, да и находятся далеко от столицы. Оставшиеся сторонники из числа аристократов разбежались и к тому же теперь явно крепко задумаются, кого же им поддержать в этой схватке за зашатанный престол. Ибо принцесса слаба, а союзные герцогу и, что главное, победоносные войска насинцев вот они, рядом. И тут такой облом...

Более того, захват Аржени ставил экспедиционный корпус насинцев в весьма затруднительное положение. Если ранее они чувствовали себя довольно уверенно, контролируя огромный район, опираясь при этом на две первоклассные крепости – Аржени и Гамель и потому обладая возможностью беспрепятственно получать необходимые ресурсы, продовольствие и фураж, то теперь они оказывались практически в окружении. Дорога на юг была отрезана Агбер-портом, а на север – Аржени. Ну а попытка прокормить экспедиционный корпус только

за счет ресурсов графства Гамель очень быстро приведет к тому, что крестьяне графства начнут разбегаться, а сам граф Гамеля из союзника превратится как минимум в раздраженного недруга, а то и во врага. Оставить в Гамеле небольшой гарнизон и попытаться пошерстить земли соседних графств? Боязно. А ну как объединенное войско принцессы, еще более усилившееся профессионалами за счет найма тех онот, что оказались в Аржени в момент его захвата и благоразумно решили последовать кодексу наемника и не ввязываться в схватку (благодаря хитроумию Грона они имели на это все основания), столь же легко, как Аржени, захватит и Гамель? И что тогда делать насинцам? Одним, без возможности воспользоваться портом, без доступа к базам снабжения, почитай в центре враждебного королевства? Прорываться в Насию? Через половину Агбера и всю Кагдерию? Или, может, через проклятый Загулем, удерживаемый той трижды проклятой Владетелем онотой? Три раза ха-ха! Да что там говорить, если даже во времена, когда уже существовала возможность снабжения попавших в окружение группировок войск по воздуху, такие группировки долго не держались. Поэтому Грон совершенно не хотел бы сейчас оказаться в шкуре командующего насинцами. Куда ни кинь – всюду клин. И это после череды вполне себе блистательных побед...

– И все же я благодарю вас, граф, за то, что вы с таким блеском сумели воспользоваться представившимися вам возможностями.

А это уже был камень в огород герцога Тосколла, стоявшего по левую руку от принцессы. Который, впрочем, воспринял его вполне спокойно. Несмотря на полное отсутствие воинских талантов, каковое теперь стало очевидным даже для самых тупых и уже давно не являлось секретом для него самого, герцог все равно оставался одной из главных опор трона. И как владелец земель, вполне сравнимых по богатству и обширности с доменом Аржени, и как верный слуга правящей династии. В отличие от герцога Аржени коннетабль никогда не обладал гипертрофированным честолюбием. К тому же девиз герцогов Тосколла гласил: «Верность и честь!», что исключало для следующего ему, каковыми всегда были (ну или, по крайней мере, старались быть либо как минимум казаться) герцоги Тосколла, всякую мысль о мятеже или предательстве. Так что даже должность коннетабля королевства он принял больше исходя из мысли о том, что верный слуга своего господина должен честно и безропотно нести то бремя, которое господин возложит на него, чем считая себя обладателем неких исключительных воинских талантов. Поэтому нынешнее, пусть и столь горькое, подтверждение их отсутствия не вызвало у него никаких особенных душевных травм. Скорее, герцог страдал от осознания того, что не сумел в полной мере оправдать доверие престола.

– Ну что ж, господин граф, – продолжила между тем принцесса, – поскольку вы и бывшие с вами господа здесь, я планирую уже завтра собрать в Аржени заседание королевского совета. Мятеж можно считать подавленным, но зато на повестке дня возник новый враг, уже пытавшийся в прошлые годы покуситься на свободу и целостность нашего государства, – насинцы.

Граф Эгерит отвесил учтивый поклон, попутно восхитившись изящному политическому ходу принцессы. Хотя герцог Аржени не был пленен, а Гамель все еще оставался в руках мятежников, захват столицы его герцогства действительно давал некоторые основания объявить мятеж подавленным. При этом Гамель объявлялся захваченным внешним врагом, и вся ситуация подавалась под соусом обороны королевства от вражеского нашествия. А принцесса, таким образом, даже без коронации оказывалась реальной главой Агбера, да еще в противостоянии королевства внешнему врагу. Пожалуй, алчные аристократы на этом этапе оказались куда как в более худшем положении, чем когда добивались и добились-таки переноса коронации. За поддержку претендентки, сидящей на троне еще недостаточно крепко, да еще и столкнувшейся с мятежом, действительно можно урвать довольно много, но вот с лидера нации, не только подавившего мятеж, но еще и отразившего иноземное нападение, потребовать что-то

весьма проблематично. А если еще учесть отсутствие у них потерянных в боях с насинцами военных сил...

– А пока я предлагаю вам, граф, и остальным прибывшим с вами господам отдохнуть от долгого марша в приготовленных для вас покоях...

Заседание королевского совета открылось во второй половине следующего дня. Состав совета, вследствие того что существенная часть его членов разбежалась вместе с остатками собственных полков, сократился и обновился по сравнению с прошлым заседанием, состоявшимся в королевском дворце в Агбер-порте, едва ли не наполовину. Заседание началось с неожиданности. Не то чтобы неприятной, но явно непланируемой, что в рейтинге Грона едва ли стояло выше откровенной неприятности... Сразу после открытия заседания слова попросил герцог Тосколла и, получив его, довольно решительным тоном заявил, что после всего произошедшего более не видит для себя возможности оставаться в должности коннетабля королевства. Если бы это заявление было сделано при прежнем составе королевского совета, сразу поднялся бы страшный шум, герцога наперебой принялись бы убеждать, что он не может так поступить в столь тяжелый для отечества час, что его долг перед троном и страной состоит в том, чтобы честно нести... и так далее. И причиной подобных уговоров явилось бы то, что большинство влиятельных партий аристократов, в этой сваре принявших сторону принцессы, не успели договориться между собой о том, кому достанется такой лакомый кусок, как должность коннетабля королевства. Только очень наивные люди могут думать, что при абсолютной монархии, как, скажем, и при демократии, все назначения и все решения принимаются в рамках стандартных процедур. Скажем, решил король, царь, император – и баста. Или там выслушали депутаты программы кандидатов и раз – проголосовали за того, который понравился. Формальные процедуры суть ширмы, за которыми творится то, что цинично именуется «реальной политикой». И пока группировки элит, которые могут находиться под влиянием всяких там тайных элитарных объединений типа масонов, иллюминатов или общества «Череп и костей», а могут и нет, не договорятся, кого король или «свободно избранные представители свободного народа» утвердят в той или иной должности, этого утверждения не состоится.

Но в этот раз все было совершенно по-другому. На заседании королевского совета практически отсутствовали представители тех или иных партий аристократии, а те, кто были, по большей части предпочитали молчать, так сказать, в тряпочку. Ибо находились здесь практически на птичьих правах. Здесь и сейчас за ними не стояло ни военной силы, ни политического влияния, каковые полностью растратили в двух неудачных сражениях с насинцами. А большую часть членов королевского совета составляли командиры армейских частей, которые, конечно, были аристократами и вроде как исходя из родственных связей принадлежали к той или иной партии, но принадлежали во многом формально. Дворянин, избравший своей стезей службу в королевской армии, как бы априори исключался из всяких политических раскладов, отдавая свою верность и свои силы не интересам и влиянию семьи, а исключительно службе короне. И хотя, конечно, продвижение по службе и занимаемый членом той или иной семьи воинский пост все равно работали на ее влияние и значимость в политических раскладах, происходило это чаще всего опосредованно. За этим довольно внимательно следили практически все короли, ибо в противном случае можно было упустить ситуацию и довольно быстро лишиться реальной власти, растащенной по кускам разными партиями аристократов. А вслед за этим, как правило, следовало и крушение государства... Так что, когда герцог Тосколла решительным тоном предложил в нынешнее чрезвычайно сложное и опасное для судьбы королевства время назначить на этот высокий пост человека, в воинских талантах которого уже успели убедиться все присутствующие, совет ответил на его предложение не обычным словоблудием, а молчанием. И взглядами, скрестившимися на лице Грона.

Несколько минут Грон сидел, ожидая, не раздадутся ли какие-нибудь возмущенные крики. На самом деле в данный момент его полностью устраивало место, которое он уже зани-

мал, – место неформального советника при принцессе и высшем военном руководстве, и авторитет его был непререкаем. По его прикидкам, выходить на всеобщее обозрение было еще рановато. В то же время в данный момент действительно сложилась такая ситуация, что это вполне могло пройти. Вон даже никто и не возмущается, просто ободрительно или испытующе пялятся на него, и все. Ну еще бы, не говоря уж об остатках войск коннетабля, даже офицеры и солдаты накануне прибывших частей графа Эгерита уже успели в подробностях узнать, что и как было совершено за время марша и штурма Аржени. Вчера во многих тавернах под рекой льющееся вино и пиво воодушевленно живописали, какой молодец и герой граф Загулема, все так хитро придумавший и устроивший, да еще и принявший в придуманном самое непосредственное участие. Грон уже слышал историю, будто он в одиночку ворвался с ангилотом в руке в городской замок и, распугивая ошеломленных арженцев, с воинственным кличем лично водрузил штандарт принцессы и королевское знамя на вершине донжона. Перебив при этом половину замкового гарнизона. Так что даже с учетом того, что боевые офицеры привыкли делить солдатские байки на два, а то и на четыре, многие из них вполне обоснованно записали Грона в завзятые храбрецы. Да и в умелые и удачливые полководцы тоже. Что в преддверии предстоящих столкновений с грозными насинцами делало сидящих за столом заседаний офицеров сторонниками предложения герцога Тосколлы. А если учитывать то, что офицеров за этим столом было большинство...

– Граф Загулема, – улыбаясь, обратилась к нему Мельсиль, – совет ждет вашего решения. Согласны ли вы принять предложение герцога Тосколлы и возложить на себя бремя коннетабля королевства?

Грон медленно поднялся на ноги.

– Ваше высочество... Ваше высокопревосходительство... – Оба поклона, принцессе и герцогу, были исполнены с максимальным тщанием. Батилей вполне мог бы им гордиться. – Я осознаю, что совершенно не заслуживаю столь высокой чести... – эти слова были встречены несогласным гулом со стороны командиров полков, входивших в колонну принцессы, а барон Шамсмели даже сердито встопорщил свои усы, – но если королевский совет обяжет меня возложить на себя это бремя, я приложу все силы, дабы оправдать это авансом оказанное доверие.

– Тогда я предлагаю членам совета высказаться по поводу того, рекомендовать ли совету ее высочеству принять предложение герцога Тосколлы.

– Мм, уважаемые господа, – вкрадчиво начал один из опомнившихся немногочисленных аристократов, – я глубоко уважаю герцога Тосколлы, но не следует ли нам сначала хорошенько обдумать все аспекты того, что принесет королевству назначение этого явно неординарного *молодого*, – он явственно выделил голосом это слово, – человека на столь высокий по...

– К Владетелю всю эту болтовню! – перебил его барон Шамсмели. – Мой полк и, клянусь своими усами, далеко не только он с радостью пойдет в бой под знаменем графа Загулема! А именно это нам и предстоит. Пора вымести эту насинскую сволочь со священной земли Агбера!

Его последние слова потонули в одобрительном реве остальных офицеров. И Грон понял, что оказался на сковородке официального назначения несколько ранее, чем собирался. Впрочем, может, оно и к лучшему. Правители правят волей Всевышнего практически в той же мере, что и любовью подданных. А успешного полководца и освободителя земель любят и почитают куда как с большим воодушевлением, чем, может, и влиятельного, но не слишком известного народу принца-консорта. Что ж, если жизнь вносит коррективы в уже составленные планы, глупо цепляться за них, вопя, что они были самыми-самыми разумными и правильными. Надо просто менять планы...

Вечером они сидели с Мельсиль на балконе спальни герцога, которую принцесса заняла под свою, и пили терпкое арженское вино.

– Вот и все, любимый, – задумчиво произнесла Мельсиль, поигрывая вином в тонком и длинном бокале, – вот и все. Когда я соглашалась на то, чтобы отложить коронацию на время

после окончательной победы над мятежниками, я знала, что так и будет. И ты обязательно заставишь других увидеть тебя таким, какой ты есть. И после твоей будущей победы уже никто не посмеет оспорить мой выбор. И я наконец смогу войти с тобой в храм Владетеля с гордо поднятой головой.

Грон улыбнулся и сделал небольшой глоток из тонкого бокала. Женщины, даже самые сильные и умные из них, во многом дети. И если мужчина достаточно силен и успешен, остаются таковыми до конца своих дней. Ибо в этом случае им совершенно незачем окончательно взрослеть. А все дети любят сказки, особенно сказки, заканчивающиеся тем, как после всех испытаний принцесса выходит замуж за прекрасного принца. А потом они живут долго и счастливо и умирают в один день... Вот только жизнь – это не сказка, а они к тому же ввязались в войну, которая может продлиться очень и очень долго, возможно, всю жизнь. И кто знает, не суждено ли ему... или ей (при этой мысли Грон стиснул зубы, но заслонился бокалом от принцессы) погибнуть на этой войне. Мельсиль ничего не заметила. Она расценила поднятый бокал как приглашение коснуться его бокала своим и завершила это прикосновение глотком вина и долгим-долгим поцелуем. А затем им стало уже не до вина...

Ночью он проснулся от того же ощущения, какое разбудило его в ночь, оказавшуюся последней ночью его заключения в Агбер-порте. Легкий сквознячок, проникавший в спальню через открытое окно, внезапно как-то изменил направление, как будто... как будто где-то в глубине спальни открылась некая потайная дверца, задавшая иное направление тяги. Грон несколько мгновений лежал с закрытыми глазами, вслушиваясь в едва различимые шорохи, доносящиеся до его напряженного слуха, а затем вполне естественно всхрипнул и вроде бы спросонья завозился на кровати, принимая положение, наиболее отвечающее его ближайшим планам. Он знал, что большинство людей, тайком проникнувших в помещение со спящими людьми, в этот момент чисто рефлекторно замирают, ожидая, пока спящий вновь затихнет...

В последний момент он приоткрыл глаза, чтобы окончательно уточнить взаимное расположение всех действующих лиц. А затем с силой оттолкнулся от теплого бока Мельсиль, скидывая ее на пол и прыгая навстречу двум неясным силуэтам. И уже в полете заорал:

– Мельсиль, под кровать, быстро!

Нападавшие попались опытные. Вернее, опытным был один. Второй оказался только шустрым. Но ему хватало и этого. Когда ты вступаешь с опытным противником в схватку на фехтовальной дорожке, борцовском ковре или татами, даже ребенок, швыряющий в тебя жвачкой или плюющийся через трубочку жеваной бумагой, и то способен изрядно усложнить тебе жизнь. А тут ему мешался вполне развитый мужчина, который к тому же не столько пытался достать Грона своим кинжалом, сколько, воспользовавшись его занятостью с другим нападавшим, добрался до принцессы. К счастью, Мельсиль, даже не успев проснуться, послушно выполнила приказ Грона, и поэтому, для того чтобы достать принцессу, шустрику надо было лечь на брюхо и нырнуть под кровать. Чего ему Грон пока успешно делать не давал. Хотя ему приходилось туговато. Конечно, боевое самбо дает некоторые шансы против вооруженного противника, но оружие есть оружие. Он сам в свое время учил бойцов, что пистолет в руке противника намного перевешивает все разряды и призовые места в соревнованиях по рукопашному бою. На его счастье, пистолетов здесь пока не изобрели, но два кинжала – это два кинжала. К тому же первый из нападавших, сразу сосредоточивший внимание на Гроне, похоже, прошел очень неплохую школу рукопашника. Так что даже небольшое преимущество Грона скоро перешло в разряд практически иллюзорных. Судя по всему, это был зверь из личного зверинца Черного барона... Нет, в запасе у Грона была пара довольно болезненных, но достаточно эффективных приемов, означающих размен пальца или опасного ранения предплечья или бедра на победу в схватке (уж для него-то жемчужника найдут), но он пока воздерживался от их использования. У этих уродов оружие, скорее всего, отравлено (ну не мог

Черный барон... или подготовленный им человек пренебречь столь простым способом резко увеличить шансы на успех всей операции), да и даже если каким-то чудом это окажется не так, он оставался серьезно раненным и истекающим кровью против второго противника.

– Шелуб, не отвлекайся и достань наконец эту сучку! – рявкнул тот, что занимался Гроном.

Шустрик тут же послушно рухнул на пол и, извиваясь, пополз под кровать, не обращая внимания на Грона. И это оказалось его ошибкой. Грон, уже набравший в легкие воздуха, чтобы максимально громким криком вызвать стражу (поскольку его первый вопль, когда он велел Мельсиль нырнуть под кровать, способный, по его мнению, поднять на ноги мертвого, отчего-то не подействовал на размещавшийся за дверями спальни парный пост латников), задержал дыхание, а затем с резким выдохом крутанулся через кровать, в кувырке вгоняя кулак в пышную перину как раз там, где, по его прикидкам, должна была находиться голова этого Шелуба. Послышался треск, означавший, что кулак проломил деревянную обрешетку кровати, а затем болезненный вскрик шустрика, прозвучавший в ушах Грона волшебной музыкой. Но для шустрика это было только началом неприятностей. Потому что Грон, опираясь на кулак, перелетел над кроватью на противоположную сторону и обрушился всем своим весом на поясницу торчащего из-под кровати Шелуба. Громкий хруст и еще более громкий вопль сообщил окружающим, что один из злоумышленников выведен из строя. Главный из нападающих подтвердил осознание этого факта злобным возгласом, а затем вслед за Гроном вспрыгнул на кровать прямо в грязных сапогах. А вот это уже было прямым покушением на чистоту и святость семейных отношений (хотя у них с принцессой пока не было, так сказать, гражданский брак). Грон схватил совершенно героических размеров подушку, каковых на этом сексодроме, именуемом кроватью, имелось аж пять штук, и запустил ее в своего взбешенного противника. Тот инстинктивно вытянул вперед руку с кинжалом, напоровшись на который тонкий батист лопнул, обдав нападавшего целым облаком пуха и перьев. Несмотря на всю напряженность ситуации, Грон не выдержал и расхохотался.

– Ты... тьфу... покойни... а, тьфу... покойник! – взревел нападавший, отплевываясь от пуха, забившего ему рот и живописно украсившего поля шляпы, усы, плечи и камзол.

– Ну уж это вряд ли, – даже не зло, а весело заявил Грон, выметывая из ножен свой ангилот, до которого ему удалось наконец-то добраться. – Ты упустил свой шанс, парень...

– Ы-ыг! – взревел нападавший, заводя руку назад для того, чтобы метнуть кинжал, но Грон не дал ему этой возможности.

Он даже не стал прыгать вперед, приближаясь к противнику на расстояние удара, а просто метнул ангилот, как дротик, прямо, вгоняя его в грудину нападающего, как раз под левый сосок. Тот всхрипнул и начал медленно заваливаться на спину.

От удара тела, рухнувшего с высоты кровати, пол в спальне слегка вздрогнул. Грон торопливо выдернул свой ангилот, на всякий случай, для гарантии, добавил еще один укол в уже мертвое тело и наклонился, просунув голову под кровать.

– Все, Мельсиль, все кончилось, вылезай.

Под кроватью что-то зашевелилось, затем из-под нее показалась рука, и слабый голос принцессы попросил:

– Помоги...

– Мельсиль! – холодея, вскрикнул Грон, хватаясь за тонкую девичью руку. – Мельсиль, он что, тебя достал? – И он с силой рванул ее на себя, буквально выдергивая из-под кровати. – Куда?! Где?!

– Да так, – принцесса жалобно улыбнулась, – царапина, в общем. Только нога отчего-то совсем онемела. – Она поспешно одернула ночную рубашку, намокшую от крови.

Но Грон, не слушая ее, рывком забросил принцессу на постель и резким движением ангилота отхватил от ее рубашки здоровенный кусок ткани, который закрывал рану. Несколько

мгновений он вглядывался в правую голень Мельсиль, на которой виднелась довольно глубокая рана, а затем бросил ангилот и лихорадочно зажег свечу. Торопливо проведя лезвием ангилота по трепещущему пламени, он развернулся к принцессе.

– Что... что ты собираешься делать? – испуганно пробормотала Мельсиль.

– Доверься мне, – тихо прошептал Грон и, свирепо ощерившись, резким движением вонзил лезвие ангилота в ее ногу.

Яд на лезвии кинжалов был, теперь он в этом не сомневался, а отсасывать его было уже поздно. Да и невозможно при такой ширине и глубине раны. Оставалось надеяться, что хотя бы столь радикальное решение позволит принцессе выжить.

5

– И все-таки вы должны жить, ваше высочество... – Зачем? – Голос принцессы звучал тускло и безжизненно. А ее лицо на подушке в обрамлении ничуть не менее роскошных, чем и день, и неделю, и месяц назад, волос больше напоминало застывшую посмертную маску, чем лицо живого человека.

В ту ночь Грону удалось отсечь зараженную ядом конечность и даже остановить кровь. И сама принцесса не впала в безумие от боли и осознания того, что отныне она не юная и прекрасная женщина, а одноногая калека, которой уже никогда не блистать на полированном паркете королевских балов. Не впала, но, когда спешно разбуженные доктора смогли обработать культю, попутно подтвердив то, что Грон знал и так, а именно что оба кинжала убийц пропитаны ядом, ее охватила полная апатия. Она отказалась принимать кого бы то ни было. И для Грона не сделала исключения. Первое время он еще пытался бороться. Приходил к ней, сидел долгими часами, пытался втянуть ее в беседу, читать стихи, но на все попытки разговаривать с ней, вовлечь в обсуждение дел и дальнейших планов, да просто на его мольбы принцесса не реагировала и только молча смотрела в сторону. Удар для Мельсиль оказался слишком силен. И Грон сдался. В конце концов, возможно, кто-то другой, а не он, который собственной рукой превратил ее в калеку, сумеет вернуть принцессу к участию в жизни. А ему, вероятно, стоит исчезнуть хотя бы на какое-то время (он боялся даже думать о том, что Мельсиль может так и не простить его), пока лучший врач всех времен и народов – время – не затянет пока еще кровоточащие раны. И на теле и в душе.

Вот почему сейчас у постели принцессы находился не Грон, а граф Эгерит. Каждое утро он неизменно появлялся в окруженных теперь тройным кольцом охраны покоях принцессы, в которых после той ночи тщательно простукали каждый квадратный дюйм стен, пола и даже потолка. Появлялся, произносил ежедневный доклад при полном молчании самой принцессы. А затем под такое же молчание покидал ее покои. Но именно сегодня он решил дать бой, бой за душу и разум принцессы. И не собирался отступать, пока не добьется своего... либо не скажет себе, что сделал все, что мог.

Тот дерзкий ночной налет, принесший им столько бед, оказался подготовлен исключительно хорошо. Трое убийц, среди которых был даже личный слуга герцога Аржени (тот самый шустрик), проникли в замок через потайной подземный ход и, воспользовавшись системой секретных ходов, проложенных в стенах, воздуховодах и мощных межэтажных перекрытиях этого древнего гнезда рода Аржени, сумели незамеченными добраться до личных покоев герцога, каковые и занимала принцесса. Бесшумно расправившись со стражей, находившейся в небольшой приемной, примыкающей к спальне (потому-то на призыв Грона никто и не откликнулся), они оставили одного из убийц в приемной, чтобы тот, в случае если что-то пойдет не совсем как планируется, задержал возможную помощь, а вдвоем проникли в спальню. Где и нарвались на Грона, все-таки сумев, несмотря ни на что, почти выполнить свою задачу. И в том, насколько четко и скрупулезно все было организовано, явно была видна рука Черного барона. Ох, как Грону не хватало собственной разведывательной сети, квалифицированной службы охраны и контрразведки, которые только начинали создаваться! По последней информации, полученной от Шуршана, тот установил плотный контакт с Горстью Камней, которая после долгих колебаний решила-таки встать на сторону Грона. И сейчас они вместе начинали налаживать разведывательную сеть на территории Кагдерии. А Брован закончил осторожное прощупывание в Зублусе и с помощью тех ребят, которые покинули этот «гостеприимный» город вместе с ними, занимался тем же на территории Насии. Но это было всего лишь начало пути, на котором им еще только предстояло добиваться успехов и терпеть неудачи, терять людей и результаты многолетних усилий, а потом, сжав зубы, начинать все заново, чтобы в конце концов добиться

победы. В этом Грон совершенно не сомневался. Если раньше понимание того, что Черный барон должен быть непременно уничтожен, было, скорее, несмотря на все перенесенные ими страдания, результатом некоего логического умозаключения, то сейчас это стало его горячим желанием, мечтой, главной целью... А и Грон, и немного ранее полковник Пушкевич отличались тем, что всегда, невзирая ни на какие потери и препятствия, добивались своей цели...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.